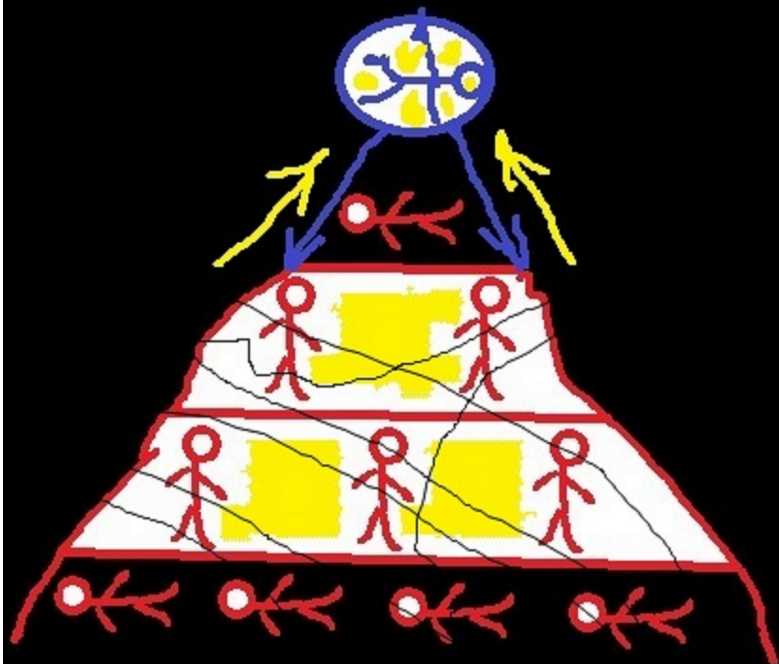

Вильгельм Плут

ПАЛАТИНАТ

Часть первая. ПРОИЗОШЕДШЕЕ

18+

Вильгельм Плут

Палатинат. Часть

1. Произошедшее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42097038

SelfPub; 2019

Аннотация

В первой части главный герой раскрывает читателю саму суть взаимоотношений богов и смертных. Волей судьбы оказавшись вовлечённым в интриги богов, герой приобретает способности прародителей богов – титанов, и становится одним из игроков древнейшей на Земле игры. В эту игру была вовлечена ещё одна бывшая смертная, которая обладает уникальным свойством – она слегка «блаженная». Действия происходят в ближайшем будущем, где смертных разводят как скот, впрочем, так было всегда, с самого начала времён. Вывести людей из этого порочного круга – значит разрушить цивилизацию, их породившую. Но как уничтожить то, что бессмертно?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Бич Божий	5
Глава 2. Намерения идущего	18
Глава 3. Воздастся каждому	35
Глава 4. Будьте как дети	53
Глава 5. Казни Египетские, или Избиение младенцев царём Иродом	83
Глава 6. Бог сохраняет всё	121
Глава 7. От лукавого, или Грех познания	152
Эпилог произошедшего – Пролог происходящего	157

Пролог

В детскую комнату, где в кроватке спит младенец, рыча от боли, вползает женщина вся покрытая свежими кровото-нащими язвами. Вслед за собой по полу за ремень она во-лочёт дробовик. Добравшись до кроватки, женщина настав-ляет дробовик на ребёнка. Выстрел. Женщина, опёршись о кроватку, забрызганную кровью с лохмотьями плоти, с улыб-кой на застывающем лице, еле слышно, испуская дух: «Успе-ла». Глаза стекленеют.

Тишина. Откуда-то из глубины дома, постепенно усили-ваясь, начинает доноситься зудящий звук полёта одинокого комара.

Глава 1. Бич Божий

В тускло освещенной комнате со стальной переборочной дверью быстро закрутился маховик запорного механизма и в помещение вошел человек в потёртом светло-сером комбинезоне. Пройдя через всю комнату, он рухнул в большую неприбранную постель, представляющую собой каменный уступ, расположенный в дальнем углу, застланный черным матрасом, поверх которого в беспорядке лежали одеяла и подушки. С час поворочавшись в попытках уснуть, он лег на спину и уставился в высокий потолок. Прошло ещё минут десять. В какой-то момент в паре метров от каменной кровати у стены вырос стол, будто кто-то снизу выдавил его из пола. Следом на столе выросла стопка плотных бледно-серых листов бумаги, а из стены над столом выросла рука, держащая перьевую ручку. Рука, торчащая из стены по плечевой сустав включительно, создавала впечатление, будто там застрял человек. Нижний лист бумаги скользнул на край стола у стены, рука, опустив перо пишущей ручки на лист, застыла. Потом вроде как начала выводить какое-то слово, но, не закончив, исчиркала лист и снова замерла. Человек в кровати закрыл глаза ладонями. Испорченный лист исчез, впитавшись в стол, а на его место из стопки скользнул другой. Комната на несколько мгновений наполнилась оглушительной тишиной и статичностью ветхой чёрно-белой фотогра-

фии. Вдруг рука крупными буквами принялась что-то писать – быстро, нервно, изредка замирая:

«Мне почти каждую ночь снится один и тот же сон:

Она. Но с каждым годом я всё реже вижу её лицо, а если вижу, то размыто, и черт его уже не разбираю. Но ноги, вернее одну – левую, я вижу всегда четко. Её прекрасные длинные худощавые ноги с серовато-бледной тонкой, слегка сухой кожей. Я вижу и ощущаю под рукой родинки, – маленькие едва заметные точки, рисующие причудливую ломаную линию по наружной стороне бедра, как будто карту созвездия, где затерялась планета, на которой всё ещё существует рай.

Просыпаясь, стараюсь понять, не сошел ли я с ума, но как только меня снова накрывает это невыносимо болезненное и, в тоже время, непреодолимо влекущее чувство, осознаю, что ещё нет. Так что я решил, что уместно и своевременно начать вести дневник, или просто писать. Нужно поделиться своими мыслями с бумагой и воображаемым читателем, пока не стало поздно. Надеюсь, это меня хоть немного отвлечёт от гнёта циклически возникающих образов в моей голове. К тому же мне есть что написать. Вот только с читателями проблема, но со временем, возможно, мы это преодолеем, а времени у меня предостаточно. У меня времени предостаточно? У кого у меня? Кто я? Так, стоп!»

Рука зависла над знаком восклицания. Человек в потёртом светло-сером костюме громко выдохнул, и рука продол-

жила писать с нового абзаца:

«Я думаю, что я всё ещё человек, только в моих жилах течет не красная кровь, а голубое желе. Сердце моё бьётся в широком диапазоне: то совсем редко, едва колышется, как сейчас, то молотит тысячи ударов в минуту, когда того требуют обстоятельства. Тело моё тоже может меняться, в частности, плотность его регулируется моим разумом, дышит кожей, всем дышит, а может и не дышать и переходить на анаэробный режим функционирования. Аура моя просто огромна, по сравнению с вашей, и более плотная, я свечусь ярче. «Свечусь»! Аура! Какой вздор! Вы её вообще не видите, ни мою, ни тем более свою, вы вообще мало что видите. Нет, не то, это не то, что вам нужно, важно, что интересно.

С чего начать? Столько хочется сказать, но с чего начать?

Начну с того, что я просто ненавижу святош и всякого рода праведников, и я не имею в виду лицемеров, произносящих слащавые речи на публике, к ним я отношусь ровно, ну то есть относился. Сейчас не знаю, уже давно не встречал. Я вообще давно никого не встречал. Нет, люди есть, я точно знаю, но мало, и желательно к ним не приближаться без особой надобности. Они все сплошь чипированные, только приблизишься, и их сразу глушат, в смысле, убивают – жалко. Все в довольно крупных городах, которых под сотню раскидано по планете. В эти города крайне сложно попасть, как минимум, мне не удавалось. Остальная территория безлюдна.

Так что-то я не о том. Так вот. Я говорю о тех, кто абсолютно уверен в существовании самой возможности воплощения в реальность таких понятий как справедливость и свобода, вот их я люто ненавижу! Эти юродивые (когда-то и я был таким) самые страшные люди для человечества. Именно по их вине общество постоянно оказывалось на краю гибели. Так произошло и на этот раз.

Сразу хочу предупредить читателя, что всё нижеизложенное не толерантно, потому как для меня нет понятия более искусственного и противного. Здесь всё описано как было, есть на самом деле, и будет так до скончания веков, – за это я вам ручаюсь.

Начну с главного, – со свободы. Её у вас, у людей, быть не может в принципе. Потому что вы субстрат, – среда обитания для других более конкурентоспособных организмов. И я говорю не о каком-то мистическом или фантастическом бреде, которым вас насмешливо припугивают, а вы предсказуемо реагируете по типу: «Быть не может, но свет на всякий случай не выключай». Я говорю о таких же людях, как и вы, ну почти таких же, вернее будет сказать, вы почти такие же, как они. О тех, которые чуть больше чем люди, я сам о них знаю мало, хоть сам, наверно, такой же, как они. Но речь о вас.

Мне сложно для вас писать. Сложнее, чем вам общаться с малыми детьми. Очень трудно подбирать слова, которыми я бы смог выразить свои мысли и при этом был бы по-

нят потенциальным читателем. Да и мысли путаются. У меня что-то вроде бессонницы, потому мысли путаются, но то, что я пишу крайне важно, потому не сочтите за труд и следите за мыслью, даже если она прерывиста. А когда её потеряете, начните заново, найдите ту, которую потеряли и, возможно, у вас получится найти ещё одну, другую, ту, что глубже. Они обе простые, потому, если вы их найдёте, то дальше читать будет проще и интереснее – вы будете понимать, что здесь написано. Так я о свободе.

Рабство в вашей крови, оно заложено генетически, избавиться вам от него не удастся, даже не пытайтесь, будет только хуже. Вавилонскую башню уже разрушили, ещё раз взбунтуетесь – разберут фундамент. Если проще и на пальцах, то приведу самый простой пример: если человека вырастить в любви и ласке, но без языкового общения, то вы получите Маугли, – жутко, не правда ли? Ребёнок может оказаться в жутких условиях, но в языковой среде (с ним будут постоянно разговаривать, пусть матом и отморозки) – и он будет иметь возможность развития: выучить другой язык, освоить науки и т.п., но если его лишит языкового общения, не отформатировать жесткий диск вовремя, – то всё. Заметьте, я говорю не о традициях или культуре, где прослеживается очевидная и поверхностная параллель между блондином янычаром в среде брюнетов турок и уткой одного вида, выросшей среди уток другого вида.

Без общества нет языка, без языка нет общества – это что-

то вроде вопроса о том, что было первым курица или яйцо? Вот ещё вопрос: что будет собой представлять группа людей, где каждый говорит на своём языке не известном другим, где-нибудь на отдалённом необитаемом острове? Себя представьте среди них. Отвечу сам: это будет точно такое же общество как и его другие одноязычные собратья. Найдёте как объясниться, будьте уверены. Значит общество в самой грубой его форме – это группа людей с сознанием, отформатированным языком. Язык есть «файловая система» сознания, если для вас удобно такое грубое сравнение. Человек – продукт общества, созданный языком общения, принятым в данном обществе. И, соответственно, он ограничен возможностями языка. В целом, вербально-символьные языки – системы крайне громоздкие и ограниченные для полноценной реализации интеллектуально-эмоциональных возможностей человека. Но других нет. Язык вообще как система общения, превратившая стадо в общину, – лишь грубая упрощенная модель той системы, в которой человеку однажды случилось побывать. Вот какая-то группа диких людей побывала в среде, в которой могла общаться меж собой мысленными образами, среда исчезла, а группа осталась. Дальше, думаю, понятно: среду смоделировали – и получился язык. Ну как исчезла – вас сначала в эту среду затащили, очеловечили, а после из неё выперли!

Но речь не о том, а о вашей свободе, вернее, её отсутствии. Те, которые создали вербально-символьный формат

общества людей; точнее лишили вас возможности общаться мысленными образами, и потому вам просто пришлось заговорить, чтобы не вернуться в животное состояние; сделали это для того, чтобы было удобнее вами пользоваться. Что они с вас имеют? Много, очень много, всего и не перечислишь, плюс допускаю, что многого я и сам не знаю, ведь я совсем недавно в их клубе. Но главное это генетическое разнообразие – вы источник жизни для них. Вы, по сравнению с ними, живёте несоизмеримо мало, очень быстро размножаетесь, и непрерывно обогащаете свой генофонд. Вот этот процесс крайне важен для ваших хозяев. Вы – источник вливаний свежей крови в их престарелые жилы. Общество хозяев устроено так, что они имеют общий геном.

Забегая вперёд, скажу: память у них тоже общая, хоть и сегментированная, что с непривычки жутко неприятно. Когда я сам только-только попал в этот клуб в числе некоторого количества других людей, то меня жутко смущали воспоминания или просто мысли этих людей в моей голове. Часто они ими делились со мной, чтобы точнее и, главное, полнее передать информацию, а ещё чаще нечаянно, случайно. Поначалу было много, очень много нелепых курьёзных ситуаций, позже мы научились ставить блоки. Но поначалу постоянно чужие мысли на заднем фоне сознания. Разные. Разных людей. И ещё их чувство стеснения, когда ты проявил невольное любопытство к деталям и как бы придвигал их мысли к себе, вытаскивал с заднего плана. Жуть! Общежи-

тие сознаний!

Но давайте вернёмся к тем, кто уже давно такие. Они живут в оболочке, образованной общим симбионтом – колониями одноклеточных протоорганизмов с чертами вируса и бактерии на кремневой основе с углеродными переходниками для создания симбиотических, точнее сказать, мутуалистических связей с организмами, в основе которых лежит углерод. Да, сложно, но проще не опишешь. Оболочка, в некоторой степени, отделима и многослойна. Это не луковица и не капуста, а скорее замок с комнатами отдельных жильцов, их доспехи с конём в придачу и всё это, включая прописавшихся там жильцов, – единый организм. И если вдруг все жильцы разом, облачившись в доспехи, севши на добрых коней покинут замок, то он, замок, довольно быстро умрёт и превратится в безжизненные руины – вот такая неприятная особенность. Всадники, конечно, смогут выстроить новый, все вместе или каждый для себя, но, во-первых, будет потеряно нажитое непосильным трудом, а во-вторых, пока у всех них один общий геном, каждый сможет жить в жилище другого, и быть обласкан этим жилищем как и в потерянном замке. И хотя, благодаря симбионту, организмы хозяев находятся в идеальных условиях, они всё равно подвержены старению на клеточном уровне, пусть и крайне медленному. И здесь на помощь приходите вы. Они периодически вводят в свою общину одного из вас, наиболее генетически достойного, точнее нужного, лишь для того, чтобы им разбавить

свою общую генетическую основу. Физически это выглядит так: Богиня влюбляется в смертного и рождает от него полубога или, наоборот, от связи бога со смертной рождается героиня. Этим полубогов потом приглашают на «Олимп» и делают «бессмертными». Так и только так. Если у вновь прибывшего нет генетических связей с обществом, общество его не примет, точнее сказать, его не примет симбионт, являющийся цементирующей основой данного общества. Так происходит обновление крови, и продление жизни всех, кто там живёт. Про симбионта и особенности жизни человеческого организма, вступившего с ним в связь, я расскажу подробно, но позже.

А сейчас сосредоточусь на отсутствии свободы у вас. Сами подумайте, если изначально человеческое общество лишь грубая копия общества богов, то о какой свободе может идти речь? Если бы вы были свободны, то были бы дикими стайными волосатыми животными, если бы, конечно, выдержали конкуренцию с другими обезьянами. Ваш организм был рождён в идеальных условиях симбионта богов. Вы голые слабые твари с нежной кожей, у вас нет ни длинных клыков, ни крепких когтей. Зато у человеческих женских особей овуляция каждый месяц. Жутко неудобно в естественных условиях, и как удобно для разведения. Как у кроликов, с той только разницей, что крольчиха вынашивает потомство один месяц, а человек девять. Но и цели при разведении преследуются разные. В случае с человеком, цель получить

одну конкретную особь с нужными свойствами, а не максимальную биомассу, представленную огромным числом, как в случае с кроликами. Без моделирования условий, в которых вы рождены, вы бы погибли. Жилища, которые вы строите; орудия труда, которыми пользуетесь; одежда, которой согреваетесь – всё это ваша попытка вернуть то, что потеряли. Но вы ничего не теряли, вас изначально приглашали «туда» лишь погостить. И вы должны быть благодарны хозяевам за то, что они поделились с вами своим сокровищем и дали вам шанс пойти по другому пути, нежели вам предлагала природа-мать. И когда люди сетуют на то, что их общество несправедливо и представляет собой пирамиду, они не знают, что общество изначально было создано таким.

Прежде чем у смертных более жестокие и хитрые, с помощью слова и металла, поработили более милосердных и наивных (прошу, не заблуждайтесь: сильные, умные, слабые и глупые были среди и тех и среди других и тогда и сейчас), люди, ставшие бессмертными, превратили остальных, оставшихся смертными, в культивируемую массу рабов. И уже в этой массе этот процесс расслоения на классы продолжился, приближая верхушку слоёного общества рабов к тем райским условиям, которые были необходимы человеку для полноценной жизни, пусть короткой, но человеческой. Поверьте, сначала появился человек, а уж потом труд, породивший излишки. Излишки спровоцировали появление элиты как чего-то постоянного и неизбежного. В свою очередь эли-

та превратила излишки в нехватку, чем способствовала повышению производительности труда. Или всё-таки сначала возникла элита, и стала причиной возникновения нехватки и труда, как явления, стремящегося преодолеть эту нехватку, и излишков никогда и не было, – не всё ли равно. Суть в ином. Преодолевая циклически возникающую нехватку то того, то другого, обезьянничая друг за другом, трудящиеся двигали технический прогресс, именно в этом истина. Так, благодаря элитам, жаждущим большего и создающим нехватку имеющегося, трудящиеся достигли невероятно высокой производительности труда, но так и не смогли удовлетворить своих потребностей.

Конечно, даже в первом приближении, всё несоизмеримо сложнее: языковые барьеры, разные традиционные и религиозные нормы, а также разная степень сытости низов в разных частях планеты, разбивали общество на сектора и превращали картину общего социума в шахматную доску, на которой всевозможные социальные градиенты вычертили разграничительные линии. Линии пересекаясь, создали клеточную структуру единого пространства, удобную для игр смертных элит, которыми, в свою очередь, играли бессмертные боги. Но не думайте, что я свихнувшийся фаталист. Просто я знаю, что всё не так, как выглядит. Но это уже про справедливость, а о ней я выскажусь как-нибудь и в другой раз, хотя в свете вышеизложенного не вижу в этом особой нужды».

Свет гаснет, рука из стены замирает, потом свет снова загорается, и рука принимается писать снова.

«А сейчас я не могу себя сдержать и не рассказать о Ней. Это, наверное, моя плата за ... впрочем, не важно. Я хочу рассказать о той женщине из сна. Я с Ней не спал. Я всего несколько раз, буквально считанные минуты общался с Ней один на один. Каждый раз я говорил что-то невпопад, всегда выглядел идиотом, а чувство стыда меня сковывало или, наоборот, заставляло вести себя крайне неуравновешенно. Я лишь мельком видел Её в купальнике, но помню только то, что видел, – сам факт, а не то, как Она выглядела. Я не помню Её фигуры, но почему-то мне кажется, что у Ней были длинные ноги. Я не хочу, чтобы вы думали о Ней как о моём нереализованном сексуальном желании. Долгое время я даже не думал о Ней как о женщине – Она была для меня, как ангел воплоти. А когда прорвало, то было уже поздно. Даже если не брать в расчёт жену, чьей подругой Она являлась, и детей, которым обязательно нужен рядом отец и полноценная семья, я уже к тому времени погряз в проблемах и как мужчина объективно стал жалок и убог. А Она казалась недостижимой. Я делал всё, чтобы выпрыгнуть, но тем зарылся окончательно. Мне оставалось утешать себя лишь тем, что с супругой я могу быть сами собой, то есть быть занудным неудачником, бздеть и ругаться матом. Последний раз я Её видел, когда забирал жену из кафе, где супруга была в компании подруг, в числе коих оказалась и Она. Супруга

тогда здорово перебрала и по заведённой с давних пор у замужних дам традиции демонстрировала стабильность моей психики, которой, по её мнению, она добилась в результате каждодневной дрессировки. Моя спутница жизни что-то говорила о мужчинах вообще как таковых, что-то нелестное, говорила на публику. А Она смотрела на меня с сожалением. Это была не жалость, а именно сожаление, хотя может мне и показалось. Откуда мне знать, что было у Неё в голове. Но Она в, отличие от других присутствующих не смеялась, и даже не улыбалась, просто смотрела, Она одна смотрела мне в глаза, мгновение, а потом опустила взгляд – и всё. Интересно, ведь помню, что смотрела в глаза, помню, встретились взглядами, а глаз не помню и лица не помню, хотя лица остальных помню отчетливо. По дороге домой жена вела себя необычно ласково, вообще она меня очень любила, да и я её, но почему-то мы совсем не понимали друг друга, наверное, это у всех так, рутина. Вообще, много позже супруга как-то проговорилась, что видела, какое смятение вызывает у меня одна из её подруг, и что это всё пустое и вздыхать там не над чем и не над кем: «Она не такая как кажется». Я промолчал, мне в тот момент почему-то совсем не хотелось скандала на пустом месте, чего не могу сказать о жене. И ещё я подумал, что может хотя бы у супруги всё так, как она хотела. Одним словом меня поглотили двойкие мысли, двойкие чувства, и пустота. А кто сказал, что будет легко?».

Рука поставила точку и замерла над листом бумаги.

Глава 2. Намерения идущего

Свет потух, но через несколько минут опять загорелся, и рука вновь принялась что-то быстро писать. Свет через время стал ещё более тусклым, чем был, но продолжил гореть. А рука из стены, набрав невиданную скорость, начала просто летать над поверхностью листов, исписывая их крупным почерком в считанные секунды:

«Сейчас мне бы хотелось описать то, что, по моему мнению, стало причиной Апокалипсиса, снизившего численность населения земли с восьми с половиной миллиардов до нескольких сот миллионов. Апокалипсисом смертные называли пандемию, вызванную вирусом, переносимым гнусом, унёсшую большую их часть в мир иной, если таковой вообще существует, в чём я сильно сомневаюсь. Пожалуй, начну с того момента, когда это началось лично для меня и моего друга, по совместительству делового партнёра:

Я часто вижу тот момент жизни, особенно когда меня накрывает тоска и захлёстывают воспоминания, и теперь картина этих судьбоносных для меня событий снова встаёт перед моими глазами как будто это происходит прямо сейчас. Но сейчас я вижу её, эту картину, глазами нескольких участников событий и это одно из преимуществ коллективной памяти, – можно увидеть одно и то же событие с разных точек зрения. Вообще произошедшее, на мой взгляд, наибо-

лее точно отразилось в памяти моего друга, потому его воспоминания я возьму за основу повествования, конечно же, мне не обойтись без воспоминаний других участников случившегося, но если описывать произошедшее со всех имеющихся точек зрения, получится каша, хотя возможно, она получится и так:

Стоял ноябрь. Свинцовое небо было затянуто низкими облаками. Через сплошную грязно-серую облачность еле пробивался тусклый свет солнца, катящегося к закату. Свет солнца, заходящего необычно красным, приглушенный облаками, создавал тоскливо мрачный сумрак над бескрайней рябью Северной Атлантики. Посреди этого пессимистичного, унылого пейзажа неспешно, курсом строго на юг, идёт одинокий ржавый небольшой сухогруз.

В маленькой и такой же ржавой, как само судно, каюте с крошечным иллюминатором под самым потолком, над покосившимся железным столиком, привинченным к полу, склонился мужчина средних лет и что-то пишет в толстой записной книжке:

«Неделю назад в порт Гамбурга зашла эта ветхая посудина, а уже сегодня я – сухопутная крыса...»

Человека, который сейчас пишет эти строки в своём дневнике, зовут Вильгельм. При рождении ему дали имя Витя, но сейчас он уже сам не помнит того Витю. За переборкой, в другой точно такой же каютке спит его друг и по совместительству коллега и совладелец их маленькой, но высо-

котехнологичной фирмы, Фридрих. Фридрих, кстати, носит своё имя с рождения. Родился и вырос он в Портленде штат Орегон и в Германию попал по студенческому обмену, да так и остался. И в отличие от Вильгельма у Фридриха сегодняшней день, как впрочем, и вся последняя неделя вызвали невероятный эмоциональный подъём и воодушевление. И его можно понять: прошло полгода с тех пор как они с другом имели неосторожность организовать свое дело по проектированию и инжинирингу биологических очистных сооружений и роботизированного оборудования для закрытого грунта. В их арсенале были прототипы и модели почти полностью автономных систем культивирования сельхозрастений, самые совершенные системы очистки воды, воздуха, и ещё много чего смежного, включая всевозможные альтернативные электрогенераторы и системы накопления энергии, но, ни одного сколько-нибудь серьёзного заказа. Они фактически уже были банкротами, оставалось признать этот факт официально. А ведь у Фридриха жена и двое детей, и в отличие от холостого Вильгельма перспектива остаться без штанов могла довести его до петли, но обошлось. Неделю назад, когда от команды их фирмы в Берлине уже остались только они сами, к ним пришли трое рослых ребят. На вид отморозки, но оказалось, приличные люди – учёные. Люди просто умоляли модернизировать их очистные сооружения где-то на острове в океане. Они привезли с собой чертежи двадцатилетней давности, но они были не полные, а сами эти

учёные, как оказалось, – геологи, и в биотехнологиях и робототехниках не в зуб ногой. Короче, предложили купить всё, что на наш взгляд может пригодиться при модернизации их оборудования. В итоге, учёные загрузили на свой сухогруз почти всё, что у нас было, ну и нас, конечно. Ещё короче, работа срочная, средства не ограничены, только помогите, разберётесь на месте, где подписать, куда переслать деньги за купленное оборудование и аванс за работу. И вперёд, в экспедицию на полгода, специалисты по монтажу на станции и судах обслуживания имеются, нужны лишь ваши головы и результат конечно. Вот так, впопыхах, биотехнолог и по совместительству электротехник Вильгельм и счастливчик робототехник с диссертацией по физхимии Фридрих оказались на судне с многозначительным названием «Беглец».

Пролетели две недели плавания в обществе команды судна и нанявших их геологов. Хозяева не раз за это время блеснули своей откровенной необразованностью и буквально вырывающейся из нутра неприязнью к гостям. Правда, Фридрих не замечал ни глупости, ни грубости, для него они были спасителями от неминуемого банкротства и потому уже благодетелями. В данной обстановке его уверенность в том, что он поймал удачу за хвост только укрепилась. Но вот Вильгельм, выдавший не раз «братков» в бытность своей ранней юности в России, всё чаще стал задумываться над тем, что возможно их разводят. Но в чём подвох? Заказчики, даже не торгуясь, купили всё, что только им предлагали, аванс за

работу перевели. Деньги на счету фирмы, Вильгельм проверял перед отправкой грузов в порт на погрузку. Всё отлично! В итоге Вильгельм решил, что его одолевает паранойя, а странности бывают у всех.

Буквально на следующий день после отказа от необоснованных подозрений, Вильгельма и Фридриха поставили в известность, что вечером они пребудут в пункт назначения. И действительно ближе к вечеру их пересадили на большой катамаран и пообещали весь их груз доставить на станцию вслед за ними.

На этом парусном двухмачтовом катамаране пассажирам предоставили одну на двоих каюту и ужин. И пообещали, что завтра утром они будут на месте, небольшая задержка, бывает, сроки в производственных мероприятиях часто сдвигаются, что говорить о планируемых сроках в экспедициях, логистика одним словом.

Вильгельм проснулся от неприятного давления в ушах или от фальшивого женского смеха, скорей всего, совместное влияние этих двух факторов вызвало пробуждение от неестественно глубокого сна. В момент пробуждения он почувствовал, что находится не в той каюте, в которой уснул. Пробуждение было тяжелым и больше напоминало возвращение сознания после наркоза, в глазах всё расплывалось. Женские голоса, смех, стоны, изредка разбавляемые мужским севшим басом – жутко раздражали. Через несколько минут зрение вернулось, вернулась и относительная ясность

сознания. После чего Вильгельм смог разглядеть источник раздражающих его звуков. В противоположной стороне довольно большого помещения на длинном столе два мужика с агрессивным доминированием и элементами садизма совокуплялись с двумя молодыми девушками. Сразу возникло ощущение, что девушки всем своим существом пытаются сохранять самообладание и явно не в восторге от происходящего. Изнасилование, прикрытое лицемерием жертв. «Видимо могло быть хуже, раз они так стараются сохранить хорошую мину при плохой игре», – подумал Вильгельм, и продолжил осматриваться. И тут он увидел свои ноги прикованные цепью к полу, лежащего рядом Фридриха и ещё одну девушку чуть поодаль от них. Фридрих и девушка также были прикованы к полу. Девушка, зажмурившись, вдавливала свои ладони в уши, а свое тело в стену. Вильгельм продолжил осматриваться дальше. Большое светло окрашенное, ярко освещенное помещение без окон. И тут он увидел на стене приборную панель и барометр. «Понятно от чего так давило на уши – это барокамера». Расположенные в противоположных концах помещения две огромные переборочные двери в форме круга с маховиками по центру лишь подтвердили его предположение. Под потолком монорельс, протянувшийся от одной двери до другой, на котором висит кранбалка. «По-моему мы в трюме какого-то танкера, возможно субмарины» – резюмировал свои умозаключения Вильгельм.

Этой стремительной смене обстоятельств для Вильгельма и его, всё ещё спящего, друга предшествовала череда довольно странных, для непосвященного, манипуляций. Здесь нужно отметить, что посвященными в той или иной мере можно считать девять персон, из которых, только трое обладали полным контролем над происходящим. Как вы, думаю, догадались те двое, что сейчас пользуют девушек – из числа посвященных.

Так вот о манипуляциях. В перемещении Вильгельма и Фридриха до этой злосчастной барокамеры участвовало пять судов. Команда сухогруза «Беглец» представляющая из себя группу контрабандистов, получила заказ на них почтовым курьером. Своё согласие на простую и непыльную работу отправила в виде отклика в интернете. Все согласно прилагаемой инструкции, и моментально получила предоплату. Судно зашло в порт Гамбурга. После чего Вильгельм и Фридрих сами без принуждения вступили на него. При этом сами упаковали купленное у них оборудование таким образом, как того требовал заказчик с соблюдением предельных габаритов и массы. Далее как вы уже знаете «живой груз» был передан экипажу парусного катамарана специализирующемуся на торговле людьми. Там Вильгельма и Фридриха самих «упаковали» как следует, и опять в открытом море, передали на другой сухогруз, личный состав которого вообще был не в курсе происходящего. На него же, следом, и тоже уже другим судном доставили контейнеры с оборудованием, ко-

торые были погружены на «Беглец» в Гамбурге. А ещё через двадцать часов команда сухогруза сама посреди океана перегрузила контейнеры на другое ржавое судно. Экипаж которого, включая капитана, был набран только для этого конкретного плавания из разных стран третьего мира. Вот именно с этой ржавой посуды груз попал на странную подводную лодку. А через несколько часов на судне, с которого груз попал на подлодку, забарахлила связь, потом ночью случился пожар, продукты горения которого оказались жутко токсичными и уже с погибшей командой на борту судно пошло ко дну от взрыва в моторном отсеке. С подлодки батискафом груз попал..., но обо всём по порядку.

Важно отметить, что столь сложная схема организации доставки грузов была привычным делом для её организаторов. Хотя обычно всё обходилось без жертв, но обычно, последние годы точно, странная подводная лодка являлась начальной точкой движения груза, а не конечной, как в этот раз. Да и груз последние годы, обычно, был значительно менее габаритный, хоть и всегда довольно весомый.

Более детальное описание сложностей конспирации при перемещении грузов не нужно. Важно понимать, что организаторы этих перевозок не жалели средств и времени на организацию такого рода манипуляций только для того, чтобы никто не мог их не только обнаружить, но и идентифицировать.

Меж тем проснулся Фридрих и по наивности начал тре-

бовать соблюдения своих законных прав. Чем отвлѣк самцов удовлетворяющих основной инстинкт. За что получил бейсбольной битой по ногам и замолчал. Зрелище, как голый мужик с бешеными глазами и эрегированным членом лупит прикованного к полу Фридриха битой, исключило всякую возможность благоприятного выхода из сложившейся ситуации в понимании Вильгельма.

Буквально через несколько минут голые мужики приковали столь же голых девушек рядом с Фридрихом и Вильгельмом, предложив: «Пользуйтесь, они чистые».

Прошло ещё какое-то время, за которое удовлетворѣнные самцы оделись, ведя только им понятную беседу, остальные молчали и осознавали. За спинами беседующих в противоположной стороне от пленников на огромной переборочной двери закрутился маховик и через несколько секунд дверь приоткрылась. В помещение вошел третий из числа посвященных – лысый с чёрными глазами чуть старше средних лет, средней комплекции. Он сообщил двум другим: «Давление выровнено, можно топать на базу».

Потом оглядел пленников, задержал взгляд на единственной одетой девушке. Ехидно улыбнулся в сторону коллег, как будто благодаря их, и направился в сторону девушки. Сняв цепь с ног пленницы, лысый закинул её на плечо и отнёс в противоположный конец барокамеры, где усадил на стол и начал раздевать. Коллеги переглянулись, засияв улыбками, и закурили. Девушка на ломанном английском умоля-

ла не трогать её. Говорила с неподдельной дрожью в голосе и теле, заглядывая в глаза лысому, пытаюсь выглядеть в них душу, чем ещё больше его разгорячила.

Сам процесс изнасилования особо описывать смысла нет, так или иначе – не всё ли равно? Важно другое, Вильгельм именно себя винил в том, что не подсказал девушке как это остановить, ведь он понимал, да все пленники понимали, почему с ней поступают так озверело жестоко. Но никто не крикнул: «Молчи!» – Побоялись?! И это тоже, но скорей оцепенели. Так вот на этом столе девушка начала кричать да так жалобно, что у Вильгельма, обычно умевшего отключать эмоции когда того требовала ситуация, начало замирать сердце, а ведь эта чёрная месса только началась. Вскоре лысый отошел покурить. И на его месте оказался один из тех двоих и по понятным физиологическим причинам задержался надолго, потом другой, снова лысый. А девушка продолжала кричать всё жалобнее и громче и всё отчаяннее сопротивляться. Но карусель продолжалась из двух держащих всегда находилась смена третьему. Они как гиены жрущие зебру живьём лишь сильнее зверели от её отчаянных попыток вырваться. А когда она сорвала голос и начала хрипло визжать, этим троим вообще глаза кровью залило. Они чуть сами над ней не передрались. Всё закончилось лишь минут через пять после того как жертва замолчала, потеряв сознание. В это время звенящую тишину нарушал лишь мерзкий ритмичный глухой металлический стук – удары стола о пере-

борку. Жуткую картину из трёх мокрых тел, в спинах которых отражался свет потолочных ламп, нависающих над девушкой на столе, дополняла резкая и тошнотворная смесь запахов пота, секса и табака.

Что дальше? Дальше дали девушкам одеться, те оделись сами и как смогли прикрыли девушку без сознания. Оковы на ногах утяжелили, руки сковали наручниками, потерявшую сознание девушку закинули на плечо Фридриху и повели через бесконечный коридор, разбитый на участки уже знакомыми огромными переборочными дверьми, вмонтированными в сами переборки. Двери, при пристальном рассмотрении, оказались более трёх метров в диаметре; толстыми, толщиной в полметра; с затворными механизмами, управляемыми маховиками, установленными с двух сторон, – всё как между отсеками подводных лодок, только несоизмеримо больше. Местами коридор расширялся, и эти участки напоминали станции метро, а местами сужался и был напичкан боковыми переборочными дверьми обычных размеров. Коридор на протяжении всего пути оставался прямым и ни разу не вильнул в сторону. Каждый участок пути, от одной огромной толстой переборочной двери до другой, был оборудован монорельсом, висящем под потолком, с установленной на нем кран-балкой. Где-то на середине пути девушек идущих самостоятельно забрали двое вышедших из боковой двери перед очередной переборкой, разделяющей коридор на участки. Те двое ненадолго замялись, видимо,

желая забрать и третью, но, посоветовавшись с сопровождавшими пленников конвоирами, отказались от этой идеи. И скрылись с двумя девушками там, откуда вышли. А Вильгельм, Фридрих с девушкой на плече и двое сопровождающих с АКМами наперевес продолжили свой монотонный путь. Привычные огромные тяжелые двери сменялись одна другой. Преодолев очередной участок пути с бесконечным числом боковых дверей по обе стороны коридора, они снова оказались перед тяжелой дверью. Один из конвоиров принялся крутить маховик запорного механизма, затем отворил дверь и пропустил пленников вперёд, хотя обычно первым проходил всегда один из сопровождающих, после чего конвоиры вслед не пошли, а захлопнули дверь снаружи. Пленники лишь увидели, как закрутился маховик переборочной двери, в момент, когда маховик остановился, услышали щелчок. Оставшись без надзора, Вильгельм и Фридрих впервые за весь путь переглянулись. Вильгельм увидел, что его друг измотан и перехватил девушку. Фридрих тут же сел на пол, прислонившись спиной к стене. Через секунду Вильгельм посадил девушку, также прислонил её к стене и сел рядом. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – это такое же помещение, как и то, в котором они сегодня проснулись, даже стол такой же. Они сидели и молчали, Фридрих ощупал ноги, приподнял штанину и обнаружил огромную гематому от ударов битой. Прошло ещё несколько минут, Фридрих, не поднимая головы, спросил: «Как ты думаешь,

что происходит?». Заговорив крайне высоким и тонким голосом, что вызвало у Вильгельма невольную улыбку, Фридрих тоже улыбнулся. «Фридрих, тебе что битой по яйцам попали, или это гелий?», – произнёс Вильгельм точно таким же высоким голосом, далее последовал дружный смех, звучащий как визг. Потом наступила неловкая тишина и некоторое время бездействия, после которого Вильгельм встал с пола и подошел к приборной панели и озвучил, ожидаемо высоким голосом: «Давление три с половиной атмосферы и растёт». Через мгновение добавил, срываясь на пискляво звенящий крик: «Снова барокамера, снова меняется давление, теперь ещё азот заменили гелием, Фридрих – это дорога в ад». Фридрих заговорил неожиданно сдержанно, рассудительно и даже несколько официально-занудно, не обращая внимания на изменившийся тембр голоса: «Во-первых, строго говоря, это не барокамера, а шлюзовая камера в ней выравнивают давление, чтобы мы смогли пройти дальше. В дыхательной смеси азот заменили на гелий, потому что давление там, куда мы идём, будет достаточно высоким, чтобы инертный в обычных условиях азот стал ядом для человеческого организма, но ты это понимаешь и без меня, ведь как-никак живое – это твоя тема. Меня больше интересует вопрос: зачем мы здесь и почему именно мы?». «Ладно, думаю, скоро узнаем», – бросил Вильгельм и сел за стол.

Фридрих и Вильгельм вскоре уснули. Фридрих на полу рядом с девушкой, которая хоть и дышала, но других призна-

ков жизни не подавала, а Вильгельм, сидя за столом. Фридрих проснулся от звука отпирающегося затвора переборочной двери. Вильгельма разбудил окрик Фридриха, хоть он и сидел рядом с отпирающейся дверью. Дверь распахнулась, и в помещение вошли люди в светло-серых льняных комбинезонах: шесть молодых, крепких мужчин и одна женщина уже в возрасте. Парни, освободив пленников от оков, предложили воды, после чего подхватили под руки и вывели их из помещения. Женщина и двое парней, несущих девушку, быстро ушли вперёд по сумрачному коридору, в конце которого ярким светом зиял проём, настежь открытой и до боли знакомой переборочной двери. Из проёма доносился шум падающей воды. Вильгельм всем видом показывал, что способен идти сам, и его отпустили. Он шагнул в проём, за которым шумела вода, и от неожиданного восторга у него перехватило дыхание. Перед ним, насколько хватало взора, раскинулось узкое длинное ущелье, по утопающей в растительности долине которого бежала река. После монотонного путешествия по зловещему коридору, невозможно было оторвать взгляда от того как водопад, вырываясь из скал, падает в озеро, из которого по долине течет река, поросшая деревьями. А вся долина и уступы прилегающих к ней отвесных скал покрыты зеленым ковром.

Грандиозная картина буйства растительности обрамляющей до дна просматривающийся поток кристально чистой воды на фоне строгих отвесных скал.

С площадки, на которую они вышли, просматривалось дно озера, в которое, чуть поодаль, с огромной высоты, мощным нескончаемым потоком обрушивался водопад. В нем Вильгельм заметил несколько разновозрастных стаяк форели. Фридрих освободился от своих помощников и встал рядом с Вильямом, также не в силах оторвать взгляда от раскинувшегося перед ним пейзажа. Они стояли, почти не шевелясь, и будто впитывали в себя красоту этого места. И только через некоторое время Вильгельм начал ощущать, что чего-то не хватает. Солнца, нет солнца и голубого неба. Взглянув вверх, он увидел плотную дымку, висящую над ущельем, сквозь которую пробивался мягкий свет. Пригляделся и заметил, что скалы отвесно поднявшись метров на триста, еле заметно начинают изгибаться в сторону долины. Задрав голову, Вильгельм прямо над собой, на огромной высоте рассмотрел свод пещеры. «А над долиной свода не видно, его скрывает плотная дымка водяного пара и яркий свет, пробивающийся сквозь неё», – подумал Вильгельм. Фридрих тоже задрав голову, потом посмотрел на Вильгельма и сказал: «Пещера, гигантская, титанически гигантская пещера, а откуда свет не понял, но впечатляет, аж до одури!». Через некоторое время они в сопровождении парней в светло-серых комбинезонах спустились в долину по вырубленной в скале широкой лестнице. Хотя один из парней предлагал им спуститься с площадки на огромном грузовом лифте, шахта которого была вырублена прямо в скале, но друзья не пожелали

снова оказаться в замкнутом пространстве. Они спустились вниз пешком и оказались у пристани на реке шириной метров тридцать, может чуть больше. Пристань была оборудована у самого истока, прямо позади порогов, через которые в речку перетекала прозрачная вода из глубокого озера, в которое нёсся водопад, и чей шум разносился на всю округу. Оказавшись у истока реки, ребята ещё больше поразились грандиозностью и масштабностью долины, зажатой в скалах этой поистине гигантской пещеры, свод которой скрывался где-то за водяной дымкой и ярким, но в тоже время мягким рассеянным светом. На пристани стояли лодки из карбона с электродвигателями. На них группа начала спускаться вниз по реке, высокие скалистые берега которой обрамлял сплошной зелёный массив, выглядевший с реки сказочным дремучим лесом. По пути ландшафты сменяли друг друга, но Вильгельму особо запомнились молодые дубравы и рощи каштанов, а также одинокие кедры на уступах скал. Спуск по реке длился более двух часов, но время пролетело незаметно. Река стала заметно шире и спокойней. Любые попытки хоть что-то узнать натыкались на отговорки, вроде: «Мы не уполномочены» и «Мужики, потерпите, вам всё расскажем, без обид». В итоге они подошли к устью реки, которая впадала в большое озеро с трёх сторон окруженное скалами, отвесно уходящими в дымку, висящую над долиной. Лодки вошли в озеро и на фоне водной глади в скалах начали вырисовываться окна, террасы и площадки, каменная пристань

с широкой лестницей к высокому и широкому проёму в монолитной скале. Это огромное сооружение каменного зодчества очень напоминало средневековый замок в строгом и даже мрачном готическом стиле, видимо сходство было изначально задумано архитектором, потому как случайно подобное не сотворишь.

Глава 3. Воздастся каждому

Здесь я слегка ускорю темп своего повествования, и опущу некоторые детали.

Как потом выяснилось, за средневековым фасадом замка скрывались помещения, представляющие собой широкие лоджии в виде залов с высокими светлыми окнами. Лоджии, расположенные на разных этажах были соединены лестничными маршами. За лоджиями в скалы были вмонтированы уже до боли знакомые огромные переборочные двери, за которыми начинался лабиринт жилых и производственных помещений. Но всё это тоже теперь не важно. Важно, что поведали гостям жители этого замкнутого во всех смыслах мирка, которые сами себя называли паладинами Траумфальца, и, соответственно, это место Траумпфальц.

Так вот старшие из паладинов поведали гостям, что те, кто доставил сюда пленников, являются по существу предателями, устроившими здесь бойню, будучи ослеплёнными жаждой наживы. Итогом кровопролития стала гибель многих из паладинов, да и предателей погибло порядком. Виной тому была большая и невероятно чистая золотая жила, найденная в пещере. Война продолжается, хоть теперь приняла затяжную вялотекущую форму, так как противоборствующие стороны оказались в патовой ситуации, и формально у них сейчас перемирие. Так «конкистадоры» (так насмешливо пала-

дины называли предателей, которые именовали себя «Сынами Локки») контролируют Опэнбург это огромный туннель с ответвлениями, через который сюда провели пленников и единственный путь из пещеры, паладины контролируют остальной Траумпфальц («Сыны Локки» называют их «колонистами»). У паладинов золото, которое нужно «Сынам Локки», а у «Сынов Локки» единственный проход в пещеру и контроль над большинством энергогенерирующих установок, тех, что находятся вне пещеры. Но обо всём по порядку.

Старшие из паладинов называли себя виконтами, и возглавлял их пфальцграф, точнее пфальцграфиня – ей оказалась та женщина в возрасте, которая встретила гостей.

Наверное, для понимания глубинных противоречий между паладинами Траумпфальца и остальным миром в целом, и «Сынами Локки» в частности, наибольший интерес будет иметь предыстория возникновения самого Траупфальца. С неё, пожалуй, и продолжу. Но не стану пересказывать то, что мне тогда поведали виконты и пфальцграфиня, а расскажу так, как теперь вижу эту историю сам. Основанием моего повествования будет всеобщая память, которая нас, пришлых, позже объединила с жителями пещеры в нечто целое и сложила мою собственную картину произошедшего. Вообще это довольно любопытно – взглянуть на мир глазами другого человека. Ещё интереснее увидеть его сразу с разных точек зрения в самом прямом смысле.

Примерно за полвека до описываемых событий в Гер-

мании возникло общество «Аристократы будущего». Оно противопоставляло себя выходящей на тот момент, на новый виток развития системе с обёрткой в виде толерантно-популистской демократии с глобалистически-капиталистическим содержанием. Общество организовывалось как довольно законспирированная организация на основе разрозненных коммерческих предприятий. По существу, это был альянс коммерческих предприятий разнонаправленных видов деятельности, связанных между собой добровольными договорённостями о финансовой и иной взаимопомощи. Часть предприятий вообще по большей части работала, так сказать, на «внутренний рынок», удовлетворяя потребности членов общества. Данный союз был устроен так, чтобы быть максимально устойчивым к внешним факторам. Целью коммерческой деятельности предприятий была не она сама как таковая, а создание условий стабильно благополучной социальной среды в обществе альянса. Выглядело это так: за успешную работу сотруднику предлагали снизить зарплату в обмен на мизерную долю компании. Соглашались далеко не все, а те, кто соглашались, через время понимали, что предоставленные социальные блага в довесок к ничтожной доле в капитале компании соизмеримы с потерянными деньгами в зарплате. Через год к работникам, согласившимся потерять часть зарплаты, неожиданно возвращался и прежний уровень дохода, но не за счёт повышения оплаты труда, а за счёт дивидендов, которые после продолжали расти год от года. В

основном как раз из этих новоиспечённых совладельцев, и пополнялись ряды паладинов – полноправных членов общества «Аристократы Будущего». Паладины получали свои доли владения уже на несоизмеримо более выгодных условиях, чем были у «совладельцев с базовыми надстройками».

Паладины – люди уже не просто связанные коммерческим братством, годовыми абонентами в один и тот же фитнес и общим детсадом, который посещают их дети. Это люди, связавшие себя новой моделью социального устройства, в корне отличной от господствующих в мире. Главной социальной ценностью они признавали свободу воли как основу счастливой жизни отдельной личности в обществе, частью которого она является, если, конечно, эта свобода не ограничивает свободу других. И потому, по их мнению, общество должно быть устроено таким образом, чтобы сама структура общества не ограничивала, а, наоборот, способствовала волеизъявлению его членов. За лозунгами паладинов типа: «Единство Свободных» или «Счастье строится на свободе воли» скрывались довольно простые принципы созвучные с «Хлеба и Зрелищ» и направленные на декларацию обязательств организации по удовлетворению базовых потребностей человека, только, как выяснилось позже, каждый обязательства и базовые потребности понимал по-своему. Так вот, вся эта возня сводилась к структуре общества, где отсутствует институт брака в правовом смысле слова и, соответственно, разводы тоже как явление исчезли.

Рожая детей, родители делили свою ответственность за счастливое детство своих чад с обществом. Здесь важно понимать, что планирование семьи в обществе паладинов было организовано на высочайшем уровне, хотя само понятие семьи было уже несколько иным, но опять же, у всех по-разному. Не сложно догадаться, что для стабильного развития «Общества Аристократов Будущего» было просто необходимо, чтобы система воспитания и образования стала хребтом социальной структуры, а так и было. В системе воспитания и образования паладинов посторонних и случайных людей не было. Подчёркнутая элитарность системы образования, особенно дошкольного уровня и уровня младшей и средней школы, требовала особого подхода в комплектации кадрового состава – главным стало призвание, если хотите, – талант педагога, помноженный на желание, а не его амбиции и регалии. Впрочем, так было не только в образовании. Задача родителей была сформулирована просто: «Любите ребёнка, а не воспитывайте».

Системные проблемы тоже были, как и в любом обществе. Особняком стояли проблемы скрытых бастардов и неожиданной старости, которые только-только начали проявляться в обществе. Дети одной женщины, но от разных мужчин часто оказывались психологически в неравнозначных психо-эмоциональных условиях развития. Такие проблемы регулярно выявлялись образовательной системой и часто на ковёр к педагогу вызывали все заинтересованные стороны

и настоятельно рекомендовали папам быть более гибкими и не обделять вниманием братьев и сестёр своего чада по матери. Бисексуальные и гомосексуальные связи в обществе также часто создавали значительные проблемы, правда, без серьёзных последствий для подрастающего поколения по вполне объективным и естественным причинам. Вообще, семья, так или иначе, осталась ячейкой общества, только форма её стала более подвижной и теперь больше отражала душевное родство, чем кровное. Там, где гормональный фактор был всегда главенствующим, начали возникать признаки уже упомянутой проблемы неожиданной старости и вдруг неожиданно осознанной нехватки духовной близости или наличия духовной обделённости. Невзирая на проблемы, в общем и целом – довольно неплохой старт. Новый формат социума оказался живучим и доказал, что имеет право на существование, если смотреть на данный срез без ханжества и этических шор.

Вильгельм, после довольно долгого и монотонного описания вышеизложенного одним из виконтов даже вспомнил, что когда-то давно что-то слышал об этих предприятиях и даже о самом обществе. Но информация, периодически просачивавшаяся вовне из этой закрытой системы, не вызывала доверия и была сильно искажена, потому этот момент мы опустим. Итак ясно, что думали об этом закрытом клубе извращенцев добропорядочные граждане.

Аристократы имели свою иерархию, основанную на доле

в капитализации Общества. Изначально иерархия была выстроена на двоичной основе с дополнительной третьей, отражавшей значимость члена общества в научно-образовательной сфере. Двоичная система отражала, с одной стороны, долю финансового участия и имела четыре уровня: ярл, херсир, хёвдинг и хольдер; а с другой стороны, указывала на сколько ответственную должность занимал человек и имела также четыре уровня: пфальцграф, виконт, барон и паладин. Третья, научно-образовательная иерархия имела пять уровней: магистр, аббат, мастер, подмастерье, ученик. После первой и оказавшейся последней массовой волны посвящения в паладины большинства новоиспечённых совладельцев коммерческих предприятий глубина иерархичности резко возросла. Так основатель общества, будучи единственным ярлом, под нажимом общественности принял титул конунга. Должностной титул короля с немалыми усилиями отверг, согласившись сменить титулование пфальцграфом на титул великого герцога. Соответственно, появились новоиспечённые ярлы, а с ними и маркизы, ландграфы, чуть позже пара герцогов, – одним словом, власть и значение основателя и его окружения начали таять на глазах. Изменения глубины иерархичности научно-образовательной сферы не коснулись.

Довольно быстро общество видоизменилось до неузнаваемости. Началом тому послужила высокая эффективность большинства коммерческих предприятий, следствием че-

го стал стремительный взлёт объёма их капитализации. И уже вслед за скачкообразным ростом прибыльности коммерческой деятельности паладинов, резко прекратилась практика привлечения новых совладельцев. Далее «Общество Аристократов Будущего» стало ещё более закрытым и элитарным, чуть позже раскололось на несколько транснациональных корпораций. Во главе самых крупных встали новые конунги, которые не постеснялись назваться королями. Главы корпораций поменьше назвались верховными ярлами и титуловали себя великими герцогами. Крупные полунезависимые компании и крупнейшие филиалы крупнейших корпораций управлялись теперь ярлами с титулом герцога. Размножились маркграфы, ландграфы, пфальцграфы. Даже некоторые херсиры – руководители крупных отделов стали графами, целая армия виконтов и баронов, все хотели быть кем-то другим, только не хольдером-паладином. Социальная структура начала постепенно деградировать, система образования перестала быть приоритетом, всё больше средств уходило на досуговые корпоративные организации в виде закрытых клубов «Для Титулованных Особ» или элитных борделей «Для Высшего Дворянства». Общество стремительно расслаивалось, система образования деградировала быстрее всех других социальных институтов. Многие простые паладины продавали свои доли в корпорациях и уходили из общества, благо рыночная стоимость их активов была высокой и даже росла. Так как большинство представителей выс-

шего дворянства стремились увеличить свои доли участия в корпорациях. Именно на этой волне подъёма ликвидности коммерческой составляющей осколков «Общества Аристократов Будущего» самый старый костяк паладинов во главе с престарелым основателем, уже отошедшим от дел, но всё ещё полным жизни, продали свои (оказавшиеся не самыми большими) куски в разрозненных корпорациях. После чего социальная система рухнула окончательно, а высвободившийся потенциал сделал корпорации ещё более прибыльными.

Надо признать, старик был прозорлив и далеко не наивен, раз за годы до произошедшего создал целую группу мелких полулегальных организаций, занимавшихся разработкой проекта грандиозной глубоководной станции на дне Центральной Атлантики. В этих полулегальных организациях пристанище и работу нашли около двухсот толковых изгоев приличных обществ со всего света. Именно они, пользуясь высокотехнологичным оборудованием, привезённым стариком неведь откуда, и верой в себя, стали первыми строителями глубоководного жилого объекта. А старик, как только вышел из «Общества Аристократов Будущего» исчез из поля зрения вместе с тремя с половиной сотнями верных паладинов и их семьями. Все, кто знал о новом проекте старика, исчезли в один день.

К тому времени Опэнбург и его туннель, по которому, как вы помните, вели пленников, был почти готов. Но строители

наткнулись на громадную сухую пещеру с газовым наполнением из почти чистого гелия под значительным давлением. Планы пришлось менять, даже тех миллиардов, которые палadini выручили за свои доли в корпорациях, было недостаточно для освоения столь грандиозного по масштабам помещения. И тут на выручку пришла золотая жила, обнаруженная в ходе обследования пещеры. Месторождение презренного металла обеспечило приток недостающих средств.

За годы через пещеру прошли тысячи рабочих, которых нанимали по всему миру фирмы, создаваемые на один подряд. Рабочие, привезённые в пещеру, подписывали «что-то» о неразглашении и строили по разрозненным чертежам отдельные части «чего-то», что могло быть чем угодно. Люди, вернувшиеся с вахты, на следующую вахту никогда не приглашались, но полученной компенсацией за неожиданное увольнение оставались довольны. Да и испросить «за что» их уволили было не у кого – фирма их нанявшая исчезала буквально в тот же момент, когда её бывшие работники ступали на родную землю, после полугодового отсутствия. Вообще были приняты все меры, чтобы никто из них не мог указать даже примерное место расположения грандиозной стройки. Палadini уже жившие на тот момент в Опэнбурге, посещая стройку, представлялись технологами, технадзорами, да кем угодно. Во внутренние помещения Опэнбурга посторонних не пускали. Потому скрыть реальное положение дел было несложно. Хотя и довольно тесно. Но всё равно из

числа приглашенных работников число жителей подводного жилого объекта пополнилось ещё примерно сотней новых членов. Как ни странно их объединили браки и дети, – самый старый и надёжный способ привлечения верных союзников.

Для организации монетизации золота была организована мудреная, сложная схема взаимовыгодного сотрудничества с несколькими золотодобывающими компаниями, которым неизвестный источник презренного металла сильно поправил дела и заодно слегка обрушил мировые цены на данный высоколиквидный товар. Этим всем занималась группа паладинов, имевшая самые обширные связи по всему миру, и она очень хорошо справлялась с поставленной задачей. Когда новый дом был уже готов, эта группа неожиданно отказалась сворачивать деятельность. Так, на, казалось бы, пустом месте вспыхнул молниеносный, крайне жестокий конфликт, в ходе которого погибли многие из числа самоотверженных архитекторов нового мирка, включая основателя и его ближайшее окружение, за исключением лишь некоторых. Через три дня конфликта воюющие стороны оказались в уже упомянутой патовой ситуации. Так начались переговоры, на которых пришли к соглашению. Суть соглашения заключалась в следующем: паладины каждые девяносто дней передают «Сынам Локки» три тонны золота, а «Сыны Локки» обеспечивают сохранность и работоспособность внешней системы жизнеобеспечения, в первую очередь энергогенерации, конечно же, под дистанционным контролем паладинов. Согла-

шение имело множество пунктов и деталей, которые для нас не столь важны, как те обстоятельства и ситуационные предпосылки, благодаря которым оно стало возможным. Для одних дальнейшее продолжение конфликта было чревато разрушением их мира, и победа значила для них свободу на пепелище, что было неприемлемо. Для других победа была возможна лишь при привлечении сторонних сил, что создавало некоторую угрозу потери контроля над курицей, несущей золотые яйца, с одной стороны. С другой стороны, и это было важнее, они опасались, что паладины решаться на отчаянный шаг, – разрушат пещеру и похоронят золотую жилу под километрами горных пород. И те и другие понимали, что вряд ли им удастся разойтись миром, но дальнейший конфликт не сулил ничего хорошего никому.

Примерно на год паладины потеряли всякую связь с внешним миром. Но постепенно всё же получили ограниченную, жестко контролируруемую возможность периодического выхода во всемирную паутину, за хорошее поведение. А за свехплановую выработку «Сыны Локки» доставляли своим узникам заказанные ими товары из внешнего мира. В принципе к таким заказанным товарам можно было отнести и прибывших гостей.

Как пояснили паладины, заказан был только один Вильгельм, и, по их мнению, это было вполне гуманно. За ним по их просьбе некоторое время велось наблюдение, и выяснилось, что семьи у него нет, связей от которых кто-либо за-

висит, тоже. А Фридрих – случайная жертва беспринципности «Сынов Локки», хотя паладины считают его очень ценным приобретением, так как одной из причин, почему выбрали Вильгельма, было наличие опыта в робототехнике, а тут им предоставили самого робототехника. Дело в том, что паладины всеми правдами и неправдами старались скрытно снизить свою зависимость от внешних энергогенерирующих установок. Это был единственный путь избавиться от ига «конкистадоров». Нет, рассматривались и другие пути, вплоть до строительства другого выхода из пещеры и нападения на неприятеля с двух сторон с захватом его подводного флота. Состав, базы и личные данные «Сынов Локки» были известны, но технически это было осуществить крайне сложно, а скрытно – вообще невозможно, потому от этой идеи отказались. Отказались до тех пор, пока не смогут обеспечить себя защищённым, подконтрольным только им, источником энергоснабжения. А там можно было бы попытаться счастье и отбить Опэнбург. Тем более, тихим сапом уже был пробит узкий туннель к залу управления, из которого «конкистадоры» контролируют энергосистемы и не только. Но последние несколько десятков метров базальта до зала пройти, и не выдать себя, паладины не могли. Одним словом, единственный реальный способ решить проблему малыми жертвами и с минимальным риском упирался в энергозависимость от внешних источников. И эту проблему нужно было решить. Главным направлением решения этой задачи стали изыска-

ния в области геотермальных источников энергии. Не вдаваясь в технические тонкости, можно сказать, что опять всё решил случай.

При выработке золотой жилы палладины дошли до развилки золотоносного тела. Одна из жил вывела старателей в другую пещеру в несколько раз меньшую обжитой, но с газовым заполнением, близким тому, которым была заполнена жила изначально. В центре новой пещеры обнаружили короткую, широкую и очень солёную речку с температурой воды около ста градусов Цельсия. Из-за горячей речки температура газовой среды повсеместно в пещере была выше восьмидесяти градусов Цельсия и имела высокое содержание водяного пара, хоть вода и не кипела за счёт высокого давления, но парила здорово. Речка вытекала из глубины скал с одной стороны и терялась в скалах с другой стороны узкой пещеры.

Благодаря тому, что золотодобывающая шахта когда-то закладывалась как новый производственный комплекс и имела несколько шлюзовых камер по пути прокладки, газовая среда из случайно открытой пещеры не попала в жилую. Но резким повышением давления, после разрушения базальтовой стены, отделявшей новую пещеру от шахты, убило двух старателей, которые выполняли функции оператора и наладчика, по существу автономного процесса добычи. Так неожиданно, случайным образом, источник энергии был найден, но как его использовать, не имея необходимого оборудования? Заказать его у «конкистадоров» было нельзя.

И снова на выручку пришел случай. При исследовании пещеры использовали робота на дистанционном управлении, собранного на основе системы управления глубоководного беспилотника и пары квадрокоптеров. Так вот, эту технику позже приводили в надлежащий вид, в том числе и мыли, а стоки попали в канализацию, как и должно быть. Но эта канализация сильно отличается от той, которую люди представляют, услышав это слово. Канализация Траумпфальца – это часть сложной системы круговорота воды во всей жилой пещере. Это один из столпов огромной экосистемы, где есть своя искусственная гроза, идёт дождь, и освещение соответствует солнечному по спектру и интенсивности на субтропической широте в середине мая. Так вот этот сток, попав в канализацию, стал причиной выхода из строя одного из тридцати аэротенков, где происходила его первичная биоочистка. Для тех, кто не знает – аэротенк это «бассейн», часто разделённый на несколько секций, в которых со дна бесконечно «сочатся» пузырьки воздуха, облегчающие и ускоряющие процесс расщепление органики, взвешенной в канализационном стоке, аэробными бактериями и другими микроорганизмами, это нехитрое сооружение. Сам аэротенк, вышедший из строя, вывели из эксплуатации, изолировали и законсервировали. Причиной тому стали странные изменения, произошедшие с микроорганизмами в нём жившими, они покрыли весь аэротенк кремниевой плёнкой, но при этом не забили аэрационную систему. Пробы воды показали наличие

в ней микробов вроде как известных, но имевших странные мутации, в понимании двух имевшихся штатных микробиологов, не совместимые с жизнью. Микробиологи были озадачены тем, что были поражены все имеющиеся микроорганизмы и планктон, видимо вирусом, но они были живы и даже размножались, особенно хорошо чувствовали себя изменившиеся до неузнаваемости рачки одного вида, самые сложные из организмов в биоценозе аэротенка, а вот их конкуренты и враги явно были подавлены. И хотя этот инцидент действительно сильно напугал паладинов, он же помог убедить «Сынов Локки», что системе жизнеобеспечения Траумпфальца грозит опасность, а среди «Сынов Локки» были люди далеко не глупые и убедить их в этом могли только веские основания. А основания были на лицо, ёмкости аэротенка с аэраторами покрыла кремневая плёнка, структура которой была пористой, явно биологического происхождения. Главного из «конкистадоров», который лично оценивал степень грозящей опасности, даже попросили помочь и сдать в несколько авторитетных лабораторий пробы с этими неизвестными микробами. Для чего палadini решили вручить ему три герметичных контейнера со странными организмами внутри. Главный «конкистадор» не только не отказался от возложенной на него миссии, но даже сам проконтролировал процесс взятия проб. Не доверял он паладинам и потребовал, чтобы пробы были взяты именно из тех мест, на которые он указал. Вся церемония проверки была организо-

вана так, будто в аэротенке споры сибирской язвы. Аэротенк герметично накрыли огромной полиэтиленовой палаткой, в палатке установили вытяжку для поддержания пониженного давления внутри, чтобы воздух не проникал наружу, за вытяжкой в воздуховод поставили фильтры, а на выходе воздух после фильтров проходил через открытое пламя, что сжигало ценный кислород, но выглядело уж очень эффектно и жутко зловеще.

Так было заказано новое оборудование для очистных сооружений с множеством стальных толстостенных труб большого диаметра, запорная арматура, и ещё много чего, что имело двойное назначение и могло быть использовано для создания энергоустановки. Тем более что две пары генерирующих турбин суммарной мощностью в пятьсот мегаватт лежали на складах паладинов со времён начала освоения просторов пещеры. Они были частью одного из многих не реализованных проектов, оборудование которых лежало на складах мёртвым грузом. Конечно, этого было недостаточно для полноценного энергоснабжения, но более чем достаточно для поддержания жизнеспособности искусственной экосистемы в энергосберегающем, усечённом варианте.

Вильгельм был заказан для придания легенде о грозящей катастрофе пушей реалистичности, но и, конечно, для изучения странной микробиоты, не без этого. А тут такая удача – эти придурки притащили ещё и специалиста по робототехнике. Гостям сразу пообещали, что после победы над

предателями им предоставят полную свободу действий и по три тонны золота, если они решат уйти. Пфальцграфиня дала слово паладина, и почему-то у друзей не возникло сомнений в том, что она выполнит свои обещания. Но это конечно не смогло предотвратить жуткого негодования по поводу их незаконного заточения, впрочем, они его быстро подавили, понимая, что утопающий хватается за любую возможность».

Рука зависла над листом, свет не потух, но рассказчик уснул, и спал крепко, как давно уже не спал.

Глава 4. Будьте как дети

Человек в потёртом светло-сером комбинезоне, проснувшись, лежал в своей каменной комнате, из стены которой торчала рука, зависшая над письменным столом со стопкой листов светло-серой бумаги. С одной стороны он испытывал чувство удовлетворения – смог найти способ наконец-то выспаться. Но что делать дальше он не знал. В его голове вновь неконтролируемо всплыли воспоминания, поток которых он был остановить не в силах. В этот раз его сознание захватили воспоминания о череде встреч с людьми, произошедшими сразу после Апокалипсиса. Первый раз, после того как старый мир смертных умер, а новый ещё не родился, Фридрих в океане встретил лодку с семьёй. Люди были в бедственном положении, их мучила жажда, и он кинулся им на помощь, добыть пресную воду он мог без всяких проблем. Фридрих забрался на судёнышко прямо из бушующих вод океана, что было уже достаточным для того, чтобы напугать находящихся на посудине. Но его появление на борту, помимо страха, вызвало неожиданный болезненный синдром, – люди попадали на дно своего судёнышка, скрючиваясь от боли. Они орали, а когда кто-то из них замолкал, то это значило, что он умер. Крики прекратились быстро, не прошло и минуты. Фридрих сначала не понял, что происходит, а когда начал догадываться, то в лодке в живых уже никого не осталось.

Было невероятно трудно принять факт, что твоё присутствие убивает людей. В следующий раз Фридрих встретил на горной гряде трёх молодых людей. Они пробирались через горный хребет в долину горной речки. Фридрих не стал к ним приближаться и следил издали. Он понял, что они голодны и сбросил на их маршруте горного барана. Но парни не заметили его и прошли мимо туши. Тогда он ночью, прячась за скалы, притащил другого барана к их лагерю и подбросил его так, будто тот сам упал со скалы и прямо им в руки. Двое парней, сидевших у костра, увидели тушу, упавшую рядом, и сразу принялись её разделывать. Парень, лежавший в палатке, подошел к ним чуть позже. После того как «благодетель» убедился, что «посылка» доставлена, и удалился от людей на приличное расстояние. Наутро проснулся только один парень, двое других, сидевших у костра во время «визита» Фридриха, умерли. Фридрих окончательно поверил – люди изменились.

А что изменилось, он разобрался позже, ночью, наблюдая в открытом море за пассажирами большого океанского судна. Пассажиры судна имели обычные для живых смертных людей свечения – так называемые ауры, но в тонком теле, окружающем физическое тело каждого, Фридрих заметил инородные включения: одно в области головы размером с мелкую монету коричневого цвета, другое чуть больше в области гениталий и фиолетового цвета. Подмеченные изменения помогли понять, как запускается механизм уни-

чтожения людей при его приближении к ним. Тонкое тело Фридриха было огромным и имело радиус порядка тридцати метров, а иногда и больше. И как только его аура соприкасалась с аурой смертного человека, имеющим упомянутые выше включения, запускался механизм уничтожения и человек умирал. От «глубины» и продолжительности соприкосновения тонких тел зависело насколько быстро и болезненно погибнет человек. Остановить этот процесс было уже невозможно. Фридриху очень хотелось найти способ устранить препятствие, созданное этими мелкими инородными телами, которые он назвал «чипами». Для чего смертных снабдили «чипами» догадаться было нетрудно. Конечно, чтобы лишить посторонних бессмертных допуска к смертным людям и тем самым ослабить их и заморить «голодом». Кто это сделал тоже ясно – это те древние боги, о которых Фридрих узнал из переданных мыслеформ тем молодым человеком. Тем бессмертным, поработанным чужим вмешательством в его симбиотический союз с кремневым организмом, которого он встретил в окрестностях Берлина.

Вспомнив о нём, Фридрих вспомнил и о своём дневнике и решил, что сегодня обязательно допишет свою историю до момента встречи с этим «молодым» подонком, хоть это и был самый тяжелый момент в его жизни, воспоминания о котором вызывали животный ужас, чувство безысходности и, конечно, боль, рвущую сердце на части. Это и не мудрено, молодой человек лично организовал гибель детей и жены

Фридриха. Чувства, связанные с воспоминаниями о встрече с убийцей-кровником, сгубившим самых родных, его жизнь, его продолжение, его радость, тех, кто был ... – невозможно выразить вербально-символьным языком, сомнительно, что вообще возможно выразить.

С такими мыслями он лежал в постели, когда снова обратил свой взор на руку, торчащую из стены над письменным столом. Повернувшись на бок, спиной к столу со стопкой писчей бумаги, он закрыл глаза. Лист писчей бумаги из стопки скользнул под перо, удерживаемое рукой, торчащей из стены. Рука зашевелилась, на листе стали появляться строчки:

«Появление Вильгельма и Фридриха в этой грандиозной пещере, названной Traumpfalz, стало причиной невероятно воодушевления местных жителей. Хотя правильнее считать Траумпфальц полостью, в которую пробили туннель, соединив, таким образом, эту полость с внешним миром. Так вот, появившись там, Фридрих сразу включился в работу, в которой паладины видели спасение их маленького мира. А Вильгельм стал создавать видимость бурной деятельности, возясь вокруг законсервированного аэротенка. Тем самым отвлекая внимание «Сынов Локки» на себя, но внимания не было. Вообще «Сыны Локки» не делали запросов, чтобы их пустили для проведения осмотра, а по-другому попасть в пещеру они не могли. Они предоставили возможность паладинам решить проблему, которая могла негативно повлиять

на добычу золота, и умыли руки. Время шло. Более близкое знакомство с людьми, живущими в подводной пещере, стало нравственным и культурным шоком для толерантных европейцев, которыми были друзья, особенно Фридрих.

Поначалу общество паладинов в восприятии Фридриха было похоже на описываемые в литературе племена первобытных полинезийцев, только образованных. Его крайне раздражало лёгкое, даже по меркам свободной Европы, отношение к сексуальным контактам по принципу: если нельзя, но очень хочется, то можно. Никто никого здесь не осуждал за мимолётные порывы чувств и страсти. Конфликты на почве ревности решались просто: люблю себя, тебя, её, его – всех люблю на свете я, это – родина моя. Одним словом, у меня большое сердце, крепкие гениталии и не кровь течёт в моих артериях, а коктейль из гормонов и стимуляторов.

В глубине скал находились несколько блоков закрытых помещений, что-то типа развлекательных центров, где бассейны и сауны занимали половину площадей. Так вот там часто можно было наблюдать оргии. Участвующие в оргиях вели себя достаточно тихо и обособленно, и даже смущались когда кто-то посторонний входил в помещение, но не настолько, чтобы визжать и хвататься за полотенца, пытаясь за ним скрыть свой срам. То, что происходило там, было дико людям извне, каковыми были Фридрих и Вильгельм. Возможно, определённую роль в обыденности для аборигенов фактов коллективных сношений сыграла закрытость их ми-

ра. Думаю, паладины Траумпфальца в каком-то смысле считали себя одной большой семьёй, а в семье, как известно, не без уroda. И потому часто со стороны выглядели слегка мерзковато, особенно с непривычки.

В этих, уже упомянутых помещениях, кроме секса, было много музыки и танцев. Почти все поголовно либо неплохо пели, либо сносно играли на музыкальных инструментах, у них даже были звёзды местной эстрады. Вообще, было странно наблюдать, перемещаясь по комнатам, как рок-н-рольная вечеринка соседствует с меланхоличным блюз-бэндом и оргией, происходящей в помещении смежном с басейном.

Кроме того в пещере можно было услышать с десятков языков мира, в основном это были европейские языки. Как позже выяснилось, паладины пытались сделать официальным языком общения немецкий. У них была мечта, что данный палатинат станет одним из многих. И это множество они назовут «Четвёртым Рейхом». Это будет империя, населённая людьми со свободной волей, которая одним своим существованием изменит траекторию развития всего планетарного общества. Но мечта разбилась о «Сынов Локки». И хотя немецкий учили все и хоть как-то могли на нём изъясняться, языком рабочего общения стал английский. Это было логично, его неплохо знали почти все. Паладины приняли это как факт – раз так проще, значит, пусть будет так. Но стало общепринятым изучение нескольких языков, потому двуязыч-

ность и даже свободное владение тремя языками стало нормой.

Вообще здесь система передачи знаний и навыков, в том числе и языковых, была выстроена почти также как в средневековых мастерских. Теорию изучали в основном сами, пользуясь огромной электронной библиотекой, а вот умения и навыки перенимали у профессионалов своего дела. В общем, с учётом их малочисленности, система образования у них была на уровне, если не сказать большего, из-за диплома здесь никто штаны не просиживал, – их никто и не выдавал. Специалистов растили себе на смену и готовили основательно. Каждый здесь был немножко учителем и немножко ученым. А число и разнообразие лабораторий поражало, и могло вызвать зависть у любого крупного университета мира.

Вообще палadini были пёстрой общиной не только по языковому, но и по расовому признаку. Часто слышались расистские шуточки взрослых людей в отношении детей с другим цветом кожи, но дети оказывались их родными чадами, – это казалось неприемлемым для нас, но нормальным для них. Коренные жители Траумпфальца утверждали, что таким образом сохраняют память о расовых предрассудках. Одна молодая блондинка мамаша пятилетнего чёрнокожего пацана, сказала так: «Нельзя забывать о том, что убивает, если запретить говорить «электричество», оно от этого не перестанет быть опасным. Я предпочитаю, чтобы мой сын знал, что люди могут быть крайне жестоки с теми, кто вино-

ват лишь в том, что родился». В их системе общей школы даже предмет был такой: «Основы Дискриминации и Сегрегации».

Но непосредственно друзей коснулась другая нравственная особенность паладинов – это неприятие лицемерия. Поначалу привычные обрезать острые углы в общении толерантные европейцы сталкивались с тем, что им прямо в лицо говорили очень неприятные вещи. Типа: «Зачем вы мне лжёте» или «Вы говорите то, что я, по вашему мнению, хочу услышать». Таким образом, они избегали скрытых конфликтов. Видимо поэтому мужчины здесь позволяли себе такую роскошь как надуться на людях, а женщины не кокетничали попусту, ради развлечения. Управление человеком с помощью эмоциональной зависимости считалось неприличным поведением, унижающим достоинство в первую очередь самого управляющего.

Одним словом, Вильгельму очень понравилась жизнь пещерных людей. А вот Фридриху происходящее здесь должно было казаться диким и безнравственным. Он испытывал необъяснимую неприязнь к местным нравам, даже после того как узнал, что оргии, которые он так часто наблюдал, не что иное как результат укоренившейся в обществе полиамории. У них не было принято бросать одного любимого в угоду другому, новому, потому в некоторых случаях особо влюбчивые люди обрастали значительным числом перекрёстных половых связей. Узнав про то, что эти ор-

гии всё-таки основаны хоть на каких-то, пусть и выдуман-ных (по мнению Фридриха) чувствах, он всё-таки несколько смягчился. Особенно сильно на его восприятие местных нравов повлиял разговор всё с той же, уже упоминавшейся, блондинкой, которая утверждала, что у неё самой и её мужчины, других половых партнёров нет и никогда не было (её утверждение тогда Фридриху показалось сомнительным). Но как бы там ни было, он осознал, что общество палладинов устроено сложнее, чем показалось поначалу. И теперь оно в восприятии Фридриха немного напоминало средневековую японскую общину, загадочную и манящую, но всё равно чужую.

Если читателю придёт на ум другое сравнение, например: с утопией под названием «Город Солнца», то я его огорчу, частная собственность и наследственное право в Траумпфальце были неприкосновенны. Просто у них было невозможно всю жизнь приносить пользу обществу и при этом самому остаться с голым задом. Потому наличие такого законного права не бросалось в глаза. Более того, у них вообще не было ничего общего, абсолютно всё имело хозяина. Только это всё имело общественное обременение, которым владел пфальцграф или пфальцграфиня. Прощё говоря, их система вассальной зависимости строилась на принципе долевого владения и контрольной ответственности сюзерена за объект владения в целом. Можно описать эту систему достаточно полно и детально, но это не к чему. Достаточно будет

сказать, что у них не возникало абсурдного парадокса, когда автоматизация производственного процесса вступала бы в «конфликт интересов» с работниками. Всё потому, что работники в Траумпфальце, не получали зарплату, они получали доли владения.

Всё это не главное и не имело бы значения. И тем более я бы не стал об этом писать, если бы Вильгельм со своими коллегами не начали эксперимент, в ходе которого выяснилось, что странный организм из законсервированного аэротенка вступает в глубокие симбиотические отношения со всеми организмами, которые в этот аэротенк помещаются: растения, животные, грибы, вообще со всеми. Всеобщий симбионт выстраивал трофические связи и другие взаимодействия в получившейся экосистеме так, что она становилась наиболее продуктивной и комфортной для существования того вида включённых в неё организмов, который имел наиболее развитую центральную нервную систему, а точнее мозг. Образованная симбионтом экосистема даже способствовала некоторому увеличению мозга этого «доминантного вида» организмов в объёме и массе, примерно на десять-пятнадцать процентов.

Эксперименты пришлось прервать на целый месяц по причине крайней нужды в рабочей силе на авральных работах, туда стянули всех, включая Вильгельма. Так выяснилось, что колония кремниевых организмов теряет способность перестраиваться под нового более мозговитого домини-

нанта примерно через месяц после введения в экосистему последнего. Организмами-доминантами на тот момент были кролики, для которых осушили две из шести ёмкостей аэротенка. Через месяц в экосистему ввели карликовых свиней, но симбионт их проигнорировал, ввели новую партию кроликов, которые также избежали заражения. В тоже время представителей новых для экосистемы видов клевера и кузнечиков, кремниевый организм порастил стремительно.

Выявилась эта ограниченность по времени для введения нового доминанта «иннервации» экосистемы тогда, когда все силы паладинов пришлось кинуть на работы по перемещению и установке огромных генераторов в горячей пещере. Срочность и всеобщая вовлечённость в работы были обусловлены необходимостью всё сделать так, чтобы не привлекать внимание «Сынов Локки». У паладинов было девяносто дней после передачи дани «конкистадорам», за которые нужно было: добыть новую партию золота и незаметно произвести перемещение и по возможности установку генераторов в энергогенерирующую систему на горячей речке в новой пещере. Конечно, при перемещении всего этого сложного, громоздкого и тяжелого оборудования приходилось использовать множество робототехники и самим, облачившись в термозащитные скафандры с внешней подачей дыхательной смеси, перемещаться между пещерами. Короче, геморрой был ещё тот. А потому как ни старались, заразу в жилую пещеру всё-таки занесли.

Но это было полбеды, заметили это (что подхватили заразу) когда у людей начались проблемы с сознанием, они стали угадывать мысли друг друга. И вскоре какофония чужих мыслей наполнила голову каждого, постепенно люди смогли управлять этим и отстранять на второй план ненужную информацию. Курьёзов, связанных с этим была масса.

Дальше изучать этот кремневый организм пришлось уже на себе. И тут люди узнали о себе много нового. А через месяц все уже думали как единый организм. После началось невероятное. В вольере сидели две пары леопардов, теперь они гуляли по долине и никто даже не сомневался, что это безопасно, кошки, если так можно выразиться, теперь считали людей «богами», и сил бы у них теперь не хватило загрызть человека. Да и как можно загрызть то, что не дышит, или дышит всем телом. К тому же, «Это» меняет форму и не ранится. А если всё же у этого сверхчеловека ранение произошло, то у него включался режим регенерации и вообще организм начинал функционировать таким образом, чтобы пагубное влияние повреждающего фактора свести к минимуму. Под влиянием симбионта в себя пришла и Лиза, та девушка, которую Фридрих притащил на себе в Траумпфальц в бессознательном состоянии. Она телом поправилась давно, но вот разумом слегка тронулась и жила в палате, в которую её поместили сразу после прибытия. В её палату входили только женщины, при виде мужчин она обычно орала или теряла сознание. Теперь она выходила и даже разговарива-

ла с окружающими, но почему-то её мысли и память были почти недоступны остальным и фрагментарны. Зато от неё всегда веяло каким-то теплом и добротой. Все сразу очень полюбили Лизу. И когда кто-то интересовался её прошлым, она всегда ему открывалась, и было видно, что она всегда была, как бы сказать, слегка блаженная. А на вопрос: «Почему её память недоступна без её на то одобрения?» – лишь пожимала плечами. Видимо, у неё была какая-то патология.

С каждым днём функционал возможностей жителей Траумпфальца расширялся и ему, казалось, нет предела. В итоге получилось разобраться, что этот организм позволяет людям приобретать свойства других организмов. Симбионт в человеке как бы образует каталог генофонда всего живого, с которым ему приходилось соприкасаться. К тому же симбионт преобразовывал среду обитания человека под его нужды, образуя что-то вроде оболочки, ограждающей замкнутую систему жизнеобеспечения, опутывая все элементы этой системы единой сетью тончайших нитей, позволяющих ускорять круговорот веществ, повышая производительность системы в десятки, а то и сотни раз. Короче, умный дом, возведённый в десятую степень. Важно, что свойства одних организмов объединяясь со свойствами других, давали то, что не мог ни один из них в отдельности, просто чудеса да и только! Можно было отрастить крылья или жабры за считанные минуты. Человек теперь мог сам себе отрубить голову, после чего сам же мог её вернуть на место. Позже выяснилось,

что подобное возможно, только если это происходит в пределах всеобщей экосистемы, объединённой в единый надорганизм, за его пределами это было опасно и могло привести к гибели. И если не найдётся тот, кто вовремя вернёт голову такому чудаку на место, то тот, возможно (никто не проверял), через несколько дней погибнет. Ведь самостоятельно вернуть вне своего надорганизма тело своей голове он бы не смог – нечем. Таким надорганизмом для паладинов, где можно управлять своим телом без непосредственного его контакта с головой, буквально за пару месяцев стала искусственная экосистема пещеры Траумпфальц. Были и другие невероятные свойства, приобретённые людьми в симбиозе с этим микробом, но заострять внимания на них не стану. Кстати, значительно позже я научился отращивать крылья, лапы или плавники из ушей и, теперь, вполне могу обойтись без посторонней помощи при возникновении необходимости вернуть голову на место вне Траумпфальца. Жизнь научила! Тогда, в самом начале, многое казалось и так запредельным. Мы сами решали, где граница возможного, исходя из своих представлений о нём. Теперь я могу много того, что вообще сложно описать. Одиночество, потребность, желание, навык. Короче, опыт – дело наживное.

К моменту следующей передачи золотой дани «Сынам Локки» паладины стали уже совсем иными существами и, если совсем кратко, играючи разобрались со своими захватчиками. Можно сказать, что освобождение выглядело как

казни египетские или как избиеение младенцев царём Иродом, – с какой стороны посмотреть. Единственным погибшим в ходе освободительной операции стал руководитель «Сынов Локки» и то он погиб не от рук паладинов, а по своей собственной глупости. Этот придурок, видимо сильно испугавшись возмездия, пытался в одиночку сбежать на батискафе, бросив своих соратников. Но проходя декомпрессию, вместо понижения давления перед выходом к батискафу, он повысил его, причем настолько, что подобное, в здравом уме, было бы невозможно не заметить, после чего открыл дверь шлюзовой камеры. Вполне возможно он решил таким странным образом покончить с собой, но почему так, когда у него на поясе был «Глок», не понятно. Да и хрен с ним.

При захвате Опэнбурга паладины, участвовавшие в нём, почувствовали, что как бы вырвались за пределы области всеобщего сознания. Стало понятно, что при выходе из Траумпфальца люди теряют связь со всеобщей оболочкой, которая формирует поле из ионизированного потока частиц внутри себя, создавая, таким образом единое тонкое тело – ауру Траумпфальца. Только эта аура обращена не вовне, а внутрь, во внутренний объём пещеры. Так надорганизм объединяется и взаимодействует с тонкими телами всего живого внутри себя. Паладины в Опэнбурге, отдаляясь друг от друга, примерно на сто метров уже не слышали мыслей друг друга. Но оказалось, что они способны целенаправленно по-

сылать и принимать информацию в виде теле- и радиосигналов.

При соприкосновении с аурами «Сынов Локки» также было сделано ещё одно открытие. Оказалось, что люди, не имеющие связи с симбионтом, являются очень удобным и мощным источником энергии для самого симбионта, доминантным организмом экосистемы которого являются такие же люди. Как ни странно, именно эмоциональные переживания: страх, угрызения совести, вообще любые переживания заставляют людей испускать пучки квантов энергии, как бы сбрасывая таким образом нервное напряжение. Как мы тогда решили, – это что-то типа аварийной системы, спасающей нейроны от «перегрева», но причина этого явления имела несколько иную природу, хотя в некотором роде и это объяснение имеет под собой основание. Этими «аварийными выбросами» паладины могли питаться, причём с удовольствием. Того же порядка по энергетическим характеристикам, столь же «калорийными», оказались пустые и несбыточные мечты, имеющие циклический характер, и сознанием заведомо признающиеся как нереализуемые, например, о том, что они («Сыны Локки») вырвутся и накажут паладинов. По мне так эти мечты стали самым вкусным блюдом из того, что я когда-либо ел. Кванты энергии «аварийных выбросов» смертных симбионтом воспринимаются почти без потерь, в отличие от энергии света или химических реакций расщепления, которые усваиваются со значительными потерями и

требуют наличия специализированной системы усвоения и накопления в каждом конкретном случае. Некоторые из палатинов, успевшие «повампирить» на «Сынах Локки» даже несколько приуныли, когда доступ к этим ублюдкам запретили на общем голосовании.

Захваченных «Сынов Локки» разместили в одном из помещений Опэнбурга, и решили, что их пожизненное заточение там – это вполне адекватная мера наказания. Девушек, находившихся у них в сексуальном рабстве, перевезли в Траумпфальц. Вот собственно и всё. Об операции по освобождению Опэнбурга больше сказать-то и нечего. Хотя нет, есть: этот рукамиводитель, пытавшийся сбежать, был до того алчным человеком, что даже в момент смертельной опасности думал о наживе. Убегая, он прихватил с собой венец старика пфальцграфа, видимо, похищенный им при захвате подводного палатината. Венец был раритетным изделием из золота, инкрустирован сапфирами и рубинами, правда, одного камня в нём уже не хватало. Венец отнесли на могилу основателя, как дань уважения.

После возвращения контроля над Опэнбургом палатины узнали от «Сынов Локки», что на поверхности бушует пандемия, вызванная смертельной заразой, переносят которую комары. Потому у палатинов не возникло массового желания покинуть своё надёжное убежище, за исключением Фридриха и Лизы. Фридриху было нужно, во что бы то ни стало, забрать семью. А Лиза надеялась привести в Траумпфальц

Ваню, её единственного друга. К Фридриху решил присоединиться и Вильгельм. Вылетев втроем из подводной пещеры, они какое-то время двигались вместе, но на широте Гибралтара их пути разошлись. Фридрих и Вильгельм продолжили свой путь дальше на север, а Лиза направилась на восток. Ребята старались избегать на своём пути поселений, боясь подхватить заразу. Они отчётливо видели в воспоминаниях одного из членов «Сынов Локки», как быстро эта зараза убивает человека. Друзья также соблюдали режим тишины и не пользовались недавно открытой способностью передавать теле- и радиосигнал на большие расстояния. Опасались быть таким образом запеленгованными военными и раскрыть своё существование и существование Траумпфальца. Опыт, полученный благодаря «Сынам Локки», отразился на способности друзей доверять людям.

Сделав крюк и обогнув континент на приличном расстоянии над Атлантикой, потом развернувшись на восток, ребята добрались до Балтики. В Балтийском море, медленно, у самого дна, двигались строго на восток, оказавшись на долготе Берлина, повернули на юг.

Дом Фридриха был за городом на природе в небольшой деревушке, в нескольких десятках километров от Берлина.

Когда Фридрих в опустевшей деревушке нашел свой дом, его жена и дети были уже давно мертвы, впрочем, как и все его соседи.

Вдруг за углом мелькнуло какое-то коричневое свечение,

Фридрих кинулся туда и наткнулся на медленно летящую над грунтовой дорогой фигуру парня. Тот испугался, и было рванул в сторону города, но в следующую секунду развернулся, а Фридрих, погнавшийся за парнем следом, налетел на него снова.

В той, неожиданно возникшей, суматохе этот урод, в котором Фридрих узнал по воспоминаниям, полученным от одного из основоположников пещерного мира Траумпфальца, – Генриха, молодого лаборанта медико-биологической лаборатории крупной корпораций паладинов, так вот этот урод, принял Фридриха за представителя своих хозяев, да ещё и чем-то рассерженного на него. Впрочем, Генрих по меркам смертного был уже не молод. Но Фридрих почему-то воспринимал его юнцом, видимо потому, что в тех воспоминаниях, которые он получил от знавшего Генриха палладина, тот был совсем юн. Ну вот, этот «юнец», принявший Фридриха за одного из своих хозяев, передал ему доступ к своему сегменту коллективной памяти, вроде как, решил отчитаться: «Мол, не виноват, меня послали». Из неё Фридрих и узнал почти всё, что знает об истории человечества с точки зрения богов. Конечно, этот бывший лаборант был мелкой сошкой и если сравнивать с человеческими мерками знаний, – просто получил инструкцию от старших с крайне кратким изложением теории и своеобразным идеологическим посылом. Но тогда для меня, то есть для Фридриха, полученная информация была шоком. Если снова вернуться

к человеческим меркам, то он сказал: «Хозяин, все лишние устранены на вверенном мне участке. Я молодец и экономно использовал комаров. Часть предоставленных вами материалов удалось сберечь, благодаря моим рационализаторским решениям». Увидев ужас в глазах Фридриха, юнец искренне озадачился вопросом: «Что не так-то?» В этот момент подлетел Вильгельм и, в отличие от этого рационализатора, он сразу прочитал мысли Фридриха и добытую информацию. Ведь Фридрих от Вильгельма скрыть мысли не мог, да и не хотел. Потом они убивали этого коричневого. Очень трудно убить бессмертную тварь, но изучение возможностей симбионта не прошли даром, и от бывшего лаборанта осталась лишь кучка пепла.

Из его памяти друзья узнали, что миром правят древние люди с огромными синими или фиолетовыми аурами, передвигающиеся с огромной скоростью над планетой в энергетических оболочках в форме сфер. Смертные в древности называли их богами. Теперь же, эти боги, используя пробы, отправленные на анализ из Траумпфальца, создали себе бессмертных слуг, подобных себе, но жестко ограниченных в возможностях и жизненно зависимых от них, одним из которых и являлся этот Генрих. Боги даже не скрывали, что предыдущих слуг, которые были менее контролируемы, и иногда пытались бунтовать, они уничтожили. Видимо, именно это и стало причиной раболепства новоиспечённого служки перед Фридрихом, имеющим столь же выдающуюся ауру

насыщенного синего цвета, точь-в-точь как у его хозяев. По полученным сведениям, эти твари были быстрее и сильнее, а главное, древнее нас настолько, что стало очевидным: при встрече с ними нам не выжить. Их враждебность к нам не вызвала сомнений, ведь они уничтожили всех, кто мог бы использовать источник тех проб (всех, кто просто мог понять, что это такое), что уже говорить о нас – обладающих этим источником. А заодно уничтожили всех смертных, полный контроль над которыми им показался сомнительным, и которых, теоретически, недобитые «враги» могли захватить и использовать. Вывод напрашивался сам собой, – причиной гибели миллиардов смертных и множества бессмертных – точное количество которых Генриху было неизвестно, стали три кусочка дерьма, отправленные на анализ в лаборатории на поверхности планеты из глубоководной пещеры Траумпфальц. Ведь как оказалось, древние считали, что эти организмы, обнаруженные в дерьме, уже давно исчезли и называли они их «амброзией». Многого, конечно, было не узнать от этого служки, но понять в какую древнюю и жестокую историю занёс случай обитателей Траумпфальца было можно.

Конечно, кое-что из вновь приобретённых знаний имело и чисто познавательно-прикладной характер. Например, то, что появление совместного со смертным человеком потомства продлевает жизнь носителя симбионта. Это подтвердило то, что было уже известно, но только применительно к кроликам (как известно, мы это предполагали). Оказалось,

что в отличие от детей, рождённых от родителей, оба из которых являются носителями симбионта, дети, имеющие одного родителя-носителя не получают своей личной субколонию кремневых микроорганизмов ещё в утробе матери, а могут её приобрести только если того пожелает их бессмертный родитель и поделится своей. Конечно, это ему ничего особого не стоит, но сам этот факт был важен для понимания системы функционирования симбиотических связей при смене поколений носителей. Более того, на кроликах это не зависело от того, является носителем папа или мама – тот же результат был и с людьми. Только после рождения младенец мог «вкусить амброзию», независимо от того, кто его мог «угостить» мать или отец. Исходя из информации, полученной от сожженного Генриха, здесь важна была генетическая, а не физиологическая связь между поколениями.

Более того, если опять же предполагать полную аналогию с кроликами, которых вводили в экосистему аэротенка, заражённую симбионтом бессмертия, а теперь она представлялась полной, то, гибридное поколение имело менее устойчивую связь с симбионтом. Полукровки были ограничены в функциональных возможностях по сравнению с чистыми линиями носителей. Но для сообщества доминантов эти гибриды были благом.

Чем генетически уникальнее для сообщества бессмертных носителей был смертный родитель, тем ценнее было совместное с ним потомство, так как эти полукровки уве-

личивали генетическое разнообразие главного вида в экосистеме-надорганизме носителя. Для убиенного «юнца» такой экосистемой-надорганизмом был город Берлин, его центральная часть. Увеличение генетического разнообразия, в свою очередь, увеличивало продолжительность жизни всех членов популяции доминантов надорганизма. В Берлине было под сотню представителей доминантного вида, связанных с симбионтом, и они уже интенсивно занимались своим «коллективным омоложением». Симбионт после рождения гибрида удлинял «хромосому» всей популяции доминанта-носителя биоценоза-надорганизма, коей являлась огромная спиралевидная молекула, скрепляющая симбиотических кремниевых микробов с клетками носителей. Эта молекула удлинялась и как бы делала дополнительный «стежок», прочнее «пришивая» каждую клетку каждого представителя популяции доминантного вида в надорганизме к симбиотическим клеткам, этот надорганизм сформировавшим. Конечно, это происходило не сразу, а после того, как надорганизм получал информацию о новом члене сообщества и уже после передавал её другим членам популяции своих доминантных организмов. Думаю, понятно, что удлинение хромосомы происходило только при получении полукровкой симбионта от его родителя-носителя этого симбионта, точнее, после получения симбионтом доступа к новорожденному гибриду. И чем уникальнее получался гибрид, тем прочнее получался «стежок». Боги для своих новых слуг, в том

числе и из Берлина, создали механизм, позволяющий им использовать своё гибридное потомство для продления бессмертия и при этом не предоставлять бессмертие самому этому потомству. Потому полукровки новых слуг богов, за редким исключением, оставались смертными. Как этот механизм работает, убиенному Генриху было неизвестно.

Ещё удалось выяснить, что боги оставшихся в живых смертных разделили между крупными городами, в которых находятся экосистемы-надорганизмы их новых слуг. Сколько городов, столько и надорганизмов. И «смешиваться» бессмертным разных городов-надорганизмов запрещено, можно только обмениваться смертными. Сделано это было для того, чтобы бессмертные слуги богов из одного города не имели связи с надорганизмом «смотрящих» из другого города и не могли управлять его «инфраструктурой». Одним словом, «объединяться-укрупняться» слугам запретили.

Вильгельм и Фридрих с огромными предосторожностями направились в обратный путь, но в какой-то момент Фридрих осознал, что не хочет или, точнее, не может вернуться в Траумпфальц. Уж слишком велика, оказалась роль жителей этого мирка в гибели людей на планете, и его семьи в том числе. Попрощавшись с Вильгельмом он пообещал, что даже под пытками не выдаст месторасположение Траумпфальца, а по-другому этим древним где находится Траумпфальц не узнать и направился на восток. Это произошло примерно там же, где они разошлись с Лизой. Чуть западнее. Конечно,

это произошло не так просто, но теперь это уже не важно, ведь произошло – важен сам факт.

Он – Фридрих, то есть я (а, не важно) он некоторое время бесцельно скитался по океану, натываясь изредка на людей. Первый раз встретил лодку в море. Второй, трёх парней в Атласских горах, но люди погибали при встрече с ним. Так, через череду смертей, он узнал о проведённой поголовной «чипизации» населения планеты. Третья встреча с людьми, плывущими на большом судне, окончательно развеяла сомнения по этому поводу и даже позволила поверхностно изучить природу этих «чипов». «Чипы», по существу, представляют собой сложные энергетические устройства или что-то вроде того. Эти устройства запускают механизм самоуничтожения смертного человека при его контакте с бессмертным человеком, вроде Фридриха. Важно, что убитый друзьями Генрих ещё не обладал информацией об этих «чипах», иначе я бы знал о них. Видимо эта «чипизация» была проведена за те несколько месяцев, которые Фридрих блуждал по океану, погружившись в свои воспоминания и горечь потери, осознавая, что не понимал насколько были ему близки те, кого он недолюбил, недоласкал и не оценил, пока они были рядом, пока они были. Были.

Блуждая по Атлантике на широте Гибралтара, и прокручивая в голове воспоминания о том, как они с Вильгельмом примерно на этом же месте расстались с Лизой, он вдруг почувствовал её присутствие. Так, будто она где-то рядом, он

даже обыскал ближайшую акваторию, но в какой-то момент это прекратилось, ощущение присутствия Лизы исчезло. А через время на горизонте показались две огромные синие сферы. Фридрих понял, что это хозяева Земли, и что сейчас его будут убивать. Он знал, что эта встреча рано или поздно должна была случиться. И вот случилась. Фридрих, что было сил, кинулся от них в противоположную сторону, те следом. Он путешествовал по просторам океана в образе огромного змея, и соревноваться в скорости с передвигающимися в воздухе сферами было глупо. В следующую секунду он понял, что сферы уже над ним. В отчаянной попытке уйти от неминуемой гибели Фридрих нырнул на глубину, надеясь, что там шансов уйти от погони будет больше. Сферы тоже нырнули, и уже приняв каплевидную форму и уменьшившись раза в три в объёме, продолжили преследование. Действительно, здесь эти древние уже не имели столь разительного преимущества в скорости, но всё же стремительно его нагоняли. Их разделяли уже считанные десятки метров, когда Фридрих, не желая сдаваться, нырнул в глубоководную впадину, на дне которой оказался небольшой дремлющий вулкан. Именно около него синие капли уже почти нагнали Фридриха. Он решил, что лучше погибнет, чем попадёт в руки этих тварей и нырнул в жерло вулкана, понимая, что продолжительное нахождение там – это верная гибель даже для него. Но пробив слой застывших магматических пород, и пройдя через несколько метров раскалённой

магмы, он снова врезался в магматическую корку, проделав отверстие в которой, он оказался в водном пузыре. Убегая теперь уже от лавы, хлынувшей вслед за ним и застывающей по пути, Фридрих вышел в галерею пещер, наполненных горячей водой. Водой, а не расплавом магмы! Это было спасение. Там он и обосновался, решив не выходить из своего убежища как минимум год, но просидел даже больше, разрабатывая систему маскировки, позволившую впредь бы ему избегать подобных преследований».

Поворочавшись, повествователь задумался о чём-то невыразимом словами. Но через некоторое время перевернулся на спину и, уставившись немигающим взглядом в потолок, продолжил:

«Дальше все произошедшее заняло много лет, но писать собственно не о чем. Вылез я из жерла вулкана, и ничего лучше не придумав, поймал крупную тигровую акулу, влез в её брюхо, и отправился назад в Траумпфальц. Акула оказалась, как я и предполагал, отличным способом камуфляжа, и не пропускала излучение, исходящее от моего тела. Как в дальнейшем показал опыт, отличить меня от других акул было сложно, если не заниматься этим целенаправленно. Потому, в дальнейшем, подобный способ путешествия позволил пройти по мировому океану всю планету, особо не опасаясь быть замеченным. Во время этих странствий я обнаружил многие десятки прибрежных городов, заселённых людьми, на, казалось бы, обезлюдевшей планете, в которые путь для

меня был заказан. Часто задерживался неподалёку от какого-нибудь города и наслаждался исходящими от него теле- и радиосигналами. Но старался не пересекать линию горизонта, за которой находился очередной город. Это всегда сопровождалось появлением тускло светящихся коричневых сфер в небе, которые пристально наблюдали за крупным морским животным, оказавшимся рядом с их городом. Впрочем, это случилось лишь дважды, в дальнейшем я был осторожнее.

Но ещё до того, как я начал скрытно странствовать по океану, тогда когда я выполз из пещер близ вулкана и вернулся в Траумпфальц, я обнаружил его опустевшим, если не считать «Сынов Локки», причём не в полном составе. Эти уроды сильно истощали и еле двигались, они уже почти полгода без продыху сидели на опиатах и канабисе, коих в ущелье произрастало в избытке. И это если не считать «продых», который они провели в запое и мастурбациях, и предыдущий наркомарафон.

Но я был рад даже их обществу, хоть и не подавал виду. Особенно меня раздражал лысый, который к тому же у этих отморожков ещё и верховодил. Почти каждый раз, когда я его видел, мне вспоминалось, как Лиза заглядывала ему в глаза, умоляя его не трогать её. Выяснить точно куда делись паладины мне так и не удалось, отморожки ничего не знали и никого не видели, двоих из них забрали из их импровизированной тюрьмы накануне того как дверь их узилища в Опэнбурге автоматически отворилась и они смогли выйти в до-

лину пещеры, где я и застал этих обдолбанных маргиналов. Сам Траумпфальц ответить на поставленный вопрос тоже не смог, нейронные связи его были сильно разрушены. Так, обрывки образов: паладины строили какие-то корабли и собирались покинуть планету, улететь на другую, очень далеко, там был кто-то ещё, но кто – непонятно. Но именно он руководил строительством этих космических кораблей. Связи единого надорганизма Траумпфальца были нарушены специально, но не полностью. И с его старением, связанным с отсутствием хозяев, это не было связано, он бы сто лет простоял без нас, – повреждения были механические. Видимо, хотели скрыть, куда летят и технологию, позволяющую это сделать. А не уничтожили Траумпфальц, потому как обо мне помнили, не знаю, может и не так, но хочется верить, что так. Было ещё кое-что, – колония симбионта бессмертия, которую мы обнаружили в той горячей пещере, исчезла. Создавалось впечатление, что кто-то очень не хотел, чтобы хоть одна клетка этого ценнейшего микроба осталась в пещере, пещера была стерильна. Но как раз этому логическое объяснение найти было не сложно.

В общем, я общался с «Сынами Локки», иногда их «модернизировал», без моего вмешательства они бы уже познакомились со старостью, частенько воспитывал, всяко бывало. Много путешествовал в телах крупных морских животных, кстати, живности за эти годы в океане развелось – просто тьма. Ну вот, в сущности, вроде как, и всё. Я здесь, живу

себе, вот начал вести дневник. Всё.

А вот ещё что: когда я возвращался назад из вулкана, то снова наткнулся на то место, где почувствовал присутствие Лизы – странно это. Может она и не улетела со всеми остальными на эту далёкую планету? Очень может быть. Лиза!»

Фридрих вскочил с постели и выскочил пулей из комнаты.

Глава 5. Казни Египетские, или Избиение младенцев царём Иродом

По океану мчался невероятно крупный одинокий тунец. В какой-то момент рыбина резко нырнула и начала кружить в толще воды, периодически опускаясь к самому дну или наоборот, поднимаясь к самой поверхности. Так продолжалось весь день. Фридрих чувствовал присутствие Лизы, то в одном, то в другом месте, но каждый раз, когда он останавливался и сосредотачивался на этом смутном ощущении, то оно пропадало. И в следующий раз возникало уже в другом неожиданном месте в пределах примерно одного кубического километра объёма акватории, в котором к тому же присутствовало два довольно сильных океанских течения. Одно течение тёплое и относительно медленное у поверхности, другое – холодное и довольно стремительное на глубине примерно в километр. Именно между этими течениями, где воды испытывали вихревое воздействие разнонаправленных потоков, как раз и возникали миражи присутствия Лизы. Когда над океаном начало темнеть, тунец, не выдержав перегрузки, издох. Фридрих, бросив тушу мертвой рыбы на глубине, вынырнул на поверхность. Проорав несколько раз, что было силы, – «Лиза!!!», лёг на обратный курс, не задумыва-

ясь о маскировке. Он чувствовал себя жалким и как никогда одиноким.

Он в образе какого-то каплевидного невиданного существа с глазами на спине, которые, не мигая, всматривались в звёздное небо, доплыл до Трампфальца. Уже начинало светать, когда он нырнул, устремившись к гористому дну, и вскоре по бесконечному коридору Опэнбурга шаркающей походкой шёл одинокий Фридрих, проклиная эти огромные переборочные двери, разбивающие туннель на участки, сам туннель, и свою судьбу, занёсшую его в эту клетку со всеми удобствами.

Пройдя очередной участок этого злосчастливого коридора, и уже почти вплотную приблизившись к переборке, за которой находился следующий отрезок пути, самый протяжённый из всех, Фридрих позади себя услышал, как закрутился маховик двери, находящейся более чем в ста пятидесяти метрах позади него. Этот едва уловимый звук подействовал на него отрезвляюще. Фридрих запаниковал, а в голове возникли предательские мысли в сослагательном наклонении: «Надо было маскироваться, придурок! Трудно было поймать акулу?! Ну что ж – теперь всё! Дерись, до последнего дерись, трус!». Ему действительно было очень страшно, и очень не хотелось умирать, но он решительно развернулся и бодрым шагом пошел навстречу неминуемой гибели. Когда дверь начала отворяться, сердце Фридриха забилося как генератор высокочастотных колебаний, перед тем как открылась дверь,

в его сознании успела проскочить ещё одна, единственная, мысль: «Хоть за пятку, но укушу!».

Дверь открылась и на пороге показалась Лиза. Фридрих, будучи готовым ко всему, к такому оказался не готов, – «Лиза! Твою мать! Я чуть тебя не убил!». Лиза подбежала к Фридриху и кинулась ему на шею, со словами: «Спасибо, Фридрих, что не забыл про меня» – и принялась его целовать в заросшие щетиной щёки, глаза, лоб, после прижалась всем телом и зашептала: «Спасибо, спасибо, спасибо, ты мой спаситель». Фридрих тоже её обнял, правда, с некоторой опаской: «Я рад, я очень скучал, я здесь чуть с ума не сошел, один. Я думал, что это эти «древние» меня нашли и чуть тебя не убил. Прости, Лиза». Лиза посмотрела ему в глаза: «Я знаю, всё знаю, не переживай, ты не мог меня убить, никак не мог, не по силам тебе это, потому не переживай об этом, пустое. Ты меня к жизни вернул, и я, я рада, я счастлива, что ты такой есть, ты один на Земле такой, ты даже сам не знаешь, как ты важен, как мне дорог».

Они вдвоём продолжили неспешный путь дальше. Не существует слов, чтобы выразить, как каждый из них был счастлив тем, что на свете есть другой, просто есть, и ему можно сказать об этом.

Прошло много дней прежде чем Фридрих снова сел за дневник, в этот раз он уже не пользовался рукой из стены, она вообще исчезла, а сам сел за стол. Впрочем, почерк в дневнике не изменился.

«Лиза вернулась. Она стала другой: сильной, но осталась такой же доброй. Правда, теперь правильнее о ней говорить как о великодушном человеке. Она уже не наивная девочка, но и не озлобившаяся стерва, она скорее умудрённая опытом женщина, сохранившая веру в людей, хотя они очень старались это исправить. Она всё равно в них верит, только теперь ещё и готова им помочь самим поверить в себя.

Как оказалось, буквально через пару часов после того как мы с Вильгельмом, в центре Атлантики на широте Гибралтара, расстались с Лизой, отправившейся на поиски своего друга Вани, её нагнала огромная синяя сфера и испепелила молнией. Лиза должна была погибнуть, но не умерла в полном смысле этого слова, она на долгие годы застряла между жизнью и смертью.

Организм Лизы распался от разряда молнии, но клетки его не сгорели, как минимум, не все. Подобным образом её организм отреагировал на поражающий фактор, избежав тем полного уничтожения. Но вот вернуться в исходное состояние он уже не смог, более того, клетки начало разносить течением. Как Лиза пояснила, в первые минуты после удара она вполне бы смогла собраться, она это чувствовала, но сфера, поразившая Лизу молнией, никак не улетала, а наоборот, зависла прямо над тем местом, где совсем недавно была Лиза. Потому она не решилась выдавать свою живучесть, о которой сама только что узнала. Понимая, что второго удара ей уже не перенести. Пока она ожидала, когда же улетит это

существо, её частички настолько расплылись по поверхности воды, что Лиза потеряла сознание, именно в тот момент, когда синий шар уже был на горизонте. Но за это время, пока синяя сфера висела над расплывающейся по акватории Лизой, та успела сделать для себя ещё одно открытие: она могла читать мысли приблизившегося к ней существа, ей даже удалось покопаться в его памяти. Конечно, удалось выхватить лишь несколько несвязных моментов воспоминаний и прочесть то, чем его, а точнее её, сознание было занято именно в тот момент, но кое-что ценное она всё же успела узнать.

Как уже понятно из контекста в сфере находилась женщина, – человек женского пола. Сама сфера являлась не чем иным как неотъемлемой частью этой человеческой особи. Эта технология, или способность (навык, если угодно) создавать подобные сферы, теперь доступна (или доступен) и нам. Лиза вообще много чего ценного приобрела за ту пару минут, пока над её рассыпавшимся телом висела эта дряхлая «сука». Сколько «сук» было лет от роду на тот момент доподлинно неизвестно, но возраст этой твари исчислялся тысячами лет, вероятно даже десятками тысяч. Конечно, радиоуглеродную датировку Лиза не проводила, но по тем обрывкам воспоминаний о памятных для старушки из синего шарика событиях было очевидно, что ещё до потопа она была уже давно не девочкой, во всех возможных значениях, которые подразумевает такая характеристика для человеческого индивидуума женского пола. Кстати, эту древнюю

красавицу (Лиза полагала, что та была самой Афродитой) привлекла, и даже озадачила странная картина гибели Лизы. Обычно, как стало известно из воспоминаний этой древней сущности, после подобных поражений бессмертный яркий и мгновенной вспышкой сгорал дотла. Или, если поражение оказывалось не смертельным, что у неё случалось крайне редко, ввиду её невероятной огневой мощи, присущей всем высшим божествам, к числу коих она, бесспорно, относила и себя, то бессмертный покрывался рябью. Рябь была признаком того, что организм достаточно силён и как бы тушит очаг поражения, мобилизуя резервы, хотя если написать, что он, наоборот, таким способом поглощал энергию поражающего воздействия, распределяя её по организму, будет также верно. В случае с Лизой, не было ни того, ни другого, она просто рассыпалась в пыль от удара молнии. Это и заставило задуматься престарелую кривляку со стальной вагиной и бешеным чувством прекрасного, о загадочности данного случая, и, конечно же, подлететь к месту предполагаемой гибели своей жертвы. Женское любопытство – это прям болезнь, её даже века не лечат. Не обнаружив признаков жизни, сфера улетела, хотя сомнения у богини всё же остались. Как она сама себе объяснила произошедшее, осталось загадкой.

Одним словом, клетки организма Лизы, образовав несколько сотен небольших колоний, принялись курсировать по кругу в пределах значительного объёма воды, используя существующие там течения для корректировки дви-

жения. В некотором смысле можно говорить, что данное решение они приняли осознанно, каждая из колоний обладала подсознанием Лизы. И когда я целый день провел в пределах этого объёма, по которому кружили эти колонии, то встречался именно с подсознанием отдельных колоний клеток Лизы, вес которых был столь мизерным в общей массе, взвешенных в воде микроорганизмов, что на него я просто не обращал внимания. Но когда я вылез из туши мертвого тунца и направился к поверхности, а там прокричал имя Лизы, то мой след стал ориентиром для сбора нескольких десятков ближайших колоний к точке поверхности воды, где я вынырнул на поверхность океана. Из этих «сообразительных» колоний Лизы встретившихся там, где я вынырнул, и образовалась малюсенькая рыбка, которая уже смогла сопротивляться течениям и двигаться целенаправленно. Она и собрала остатки организма Лизы в рыбину уже приличных размеров, весом под полкило. Эта рыба пока добралась до Трампфальца, успела набрать вес до необходимого для женщины небольшого роста и астенического телосложения, какой и была Лиза. Так Лиза вернулась к жизни. Это если не брать во внимание эмоциональную составляющую.

Но всё-таки вернусь к Афродите, или как её там реально зовут, вернее к той информации, которую Лизе удалось выудить из этой женщины. Во-первых, и это, наверное, самое мерзкое из всего, что удалось узнать – она вообще никак не отличается от нас с Лизой. Но подобная тождествен-

ность возникла у неё с нами совсем недавно, примерно сотню лет назад. Раньше эта женщина была богиней, а теперь снова стала титаном. «Снова» – это значит, что она относилась к той группе древнейших из богов, которые были изначально рождены титанами. Терминологию я взял из мифологии Древней Греции, именно она наиболее точно, хоть и с абсурдными искажениями отражает реальную структуру организации божественного общества. Описать то, что удалось узнать, без использования обобщающих и относительно не очень корректных терминов и понятий, мне не представляется возможным, если только не использовать вновь придуманные термины и тоже ими исказить картину, но только в других местах. Короче, то, что я увидел, описать человеческим языком без искажений невозможно, потому опишу вам это так, как получится, естественно, стараясь не упустить суть – главное. Многое из того, что узнала Лиза, подтвердило и разъяснило то, что я узнал от мало осведомлённого и вероятно потому покойного Генриха.

Главное из всего, что теперь мне известно, это то, что боги стали богами только благодаря людям. Для титанов человеческий род, его смертная часть что-то типа допинга, наркотика. Хотя подобное сравнение не отражает реальность вообще. Оно лишь характеризует ту степень соблазна, которая возникает у бессмертного при его появлении в обществе смертных, будь то титан или уже законченный бог.

Не зная различий можно решить, что эти товарищи одно-

го поля ягода. Поле может и одно, а ягодки разные. Строго говоря, титаны вообще цветочки, а вот боги – это ягодки, разные ягодки, но для смертного брата все как один ядовитые. Всё просто: те титаны, которые пристрастились к энергетическому вампиризму со временем потеряли возможность получать энергию из других источников. Механизм этих преобразований сложен и прост одновременно, но в итоге сводится к узкой специализации на источнике получения энергии. Так вот эти вампиры и стали богами. Нет, даже не так, боги появились задолго до появления термина «вампир» и правильнее говорить о богах как о паразитах. С этими тварями у них сходства значительно больше, чем с выдуманными существами, которые по поверью пьют людскую кровь, чтобы утолить свой голод. Боги не заинтересованы в гибели своих жертв, за редким исключением, как и паразиты, как минимум, не в массовой гибели. Боги, чтобы получать энергию смертных должны сначала их заразить собой. Заразить общину смертных собой бессмертный может множеством способов и для вас эта информация бесполезна, но вот что паразит желает получить от жертвы и как понять, что вы заражены – это вам будет интересно. Но оговорюсь сразу, вы все заражены и, поверьте, далеко не одним паразитом. Богам нужно от вас то, чего вам самим не хватает. Им нужно то, что нужно и вам.

Что вам всем нужно в жизни, что есть её физическая основа, кроме очевидного и реально не являющегося таковым?

Это всего две вещи: время и силы. Это то, чего нам всем всегда не хватает. Нам не хватает времени, чтобы вдоволь надышаться. Мы стареем ровно тогда, когда, казалось бы, только готовы жить. И у нас не хватает сил справиться со своими проблемами, а душа требует решить и чужие. Все мы чувствуем несправедливость, витающую в воздухе. Все мы себя убеждаем, что мир жесток и проходим мимо чужого горя, говоря себе: «Всем не поможешь». «Мир жесток, – выживает сильнейший», – мысль, которая посещала каждого, когда его цепляло чьё-нибудь бедственное положение, но часто не было ни сил, ни времени ему помочь, или были, но было жаль их тратить на чужого вам человека. Да и не принято так, стыдно с «такими» общаться, что подумают прохожие. Помогать «чужим» у нас можно только на публику и то только тогда, когда в обществе наступает момент «моды» на «единение». Проще говоря: «В природе так заведено, кто-то должен быть жертвой». Но мы никогда не были её детьми. Мы – люди и рождены вне природы. Потому, склоняя головы, и признавая тем, что мы не способны, не в силах побороть её законы в своём собственном обществе, мы чувствуем, как отравляем свои души. Но всё это обман. Законы, по которым живет человеческое общество, с законами природы не имеют ничего общего, это подделка – суррогат закономерностей природных пищевых пирамид. Это симуляция, игра, целью которой является поддержание диссонанса между внутренними и внешними потребностями человека. На-

ши законы, заложенные внутри нас, не писаны и не продиктованы инстинктом выживания, это законы совести, они – то единственное, что смертные смогли вынести из породившей нас среды – оболочки бессмертия титанов, где из зверя родился человек, и жил там в золотом веке, в раю, если так понятнее. То есть рай это не место, это человеческая среда обитания, среда, преобразовавшая зверя в человека. А золотой век это время, которое человек там провёл.

Да, звериное в нас осталось – основные инстинкты, например. И что? Они вполне даже симпатичные и несколько не злые, пока мы на них не пялим намордник общественных норм и не начинаем их дрессировать. Мы вообще не замечаем, как транслируем, на обуславливающее жизнь, потребности человека «главную общественную ценность» – иерархичность прав. Путаем отношения людей, играющих разные роли в обществе, с отношением хищника к жертве. Право сильного в природе стало общественным правом удачного стечения обстоятельств, помноженным на беспринципность. При таком удачном диагнозе у человека часто наблюдаются симптомы атрофии совести.

Почему-то, и мне неизвестно почему, но смертные смогли вынести коллективное чувство справедливости и сострадания – совесть из, казалось бы, чужой среды титанов. Видимо, это основа, сама суть очеловечивания зверя, которым являлся человек до его появления в «раю», где он впервые смог обменяться мыслями и чувствами с сородичами. Види-

мо тогда и зародились такие понятия, как соперничество и сострадание, а на основе них уже появились первые законы, сводом которых является совесть. Заметьте, если это так, то первые законы не то, что «не писанные» и не устные, они – образные!

Эти человеческие законы совести конфликтуют внутри нас с чуждыми, привнесенными извне правилами поведения, которые правят в наших общественных пирамидальных системах, выстроенных по образу и подобию трофических пирамид животного мира. В этих суррогатах многообразие видов, занимающих разные пищевые ниши, заменяют и занимают представители одного вида, но при этом жрут друг друга, будто одни – это львы, а другие – зебры. Кому-то повезло меньше и им вообще достались роли стервятников или жуков-навозников.

Всё это опосредованный каннибализм, не меньше! Я по большей части пишу не о юридических нормах, а о стереотипах нормального, «правильного» поведения, укоренившихся в обществе. Эти «правила» часто противоречат даже юридическим нормам, что уж говорить о совести. Законы нашей совести глубоко субъективны и бессознательны. Нарушая их, мы не можем избежать наказания, оно будет справедливым и неотвратимым, потому как мы сами себя судим и только мы сами можем себя помиловать.

Но как так получилось, что в реальности мы живём по «правилам», которые вызывают у нас внутреннее отторже-

ние, которые нутром своим не приемлем? И почему учим жить по ним своих детей. А потому что по-другому мы бы не выжили. Вспомните поговорку: «с волками жить, по-волчьи выть», или другое высказывание: «человек человеку волк» – это мы о самих себе – волк не так бездушен, как нам «видится» через «призму» общественной пирамиды. Каждого из нас как будто двое: один сидит внутри и ужасается, другой, стиснув зубы, идет вперёд, невзирая на обстоятельства. Эти двое не ангел и демон – фу, какое мерзкое, в корне не верное противопоставление, они противопоставлены иначе. У каждого из этих двоих есть свой собственный и демон и ангел, которые, по сравнению с первыми двумя, очень даже мирно уживаются.

Со временем (кто-то раньше, кто-то позже) мы черствеем, становимся менее чувствительны к диссонансу между совестью и тем, как необходимо поступать, чтобы не потерять положение в обществе, или просто выжить в нём. И уже не замечаем своего сочувствия и сострадания, когда проходим мимо чужого горя, где-то глубоко, отдалённо эти чувства возникают – это неизбежно, но они уже не достигают сознания.

Для вас будет шоком, но так и задумывалось изначально, когда богами создавались ваши первые общины. Всё работает правильно, система отлажена как часы, никакого хаоса, просто идеальный порядок – не подкопаться. У человека нужно было забрать его время и его силы – забирают, но за-

брать их так, чтобы он не погиб, и смог дать потомство – без проблем – живут же, и плодятся. Еще дай бог каждому виду на Земле такую завидную плодовитость.

Тысячелетия вёлся искусственный отбор. Как вы проводите селекцию, выводя породы молочного скота, которые давали бы вам максимальное количество молока, так и боги выводили породы людей, дающие максимальное количество сил и времени. Время, которое у вас забрали вы даже и не заметили. Этот процесс почти безобиден, это как шерсть с овцы состричь, овца особо не страдает и ничего не теряет. Человек разнообразием своего генома может продлить жизнь богов, при этом не погибнуть. Боги как бы накапливаю, собирают различные комбинации генома человека, что позволяет им продлевать жизнь (я уже это упоминал). Потому предпочтительнее такие породы людей, которые будут быстро размножаться и быстро стареть, максимально быстро видоизменяя геном вида. Время в физическом смысле у конкретного человека не отнимают. Время для него «ускорили», чтобы торопился, бежал по жизни, не оглядываясь, спешил успеть пожить.

Что касается сил, силы у человека отбирают реально. Механизм прост: нереализованные желания, подавленное страдание, любые преступления перед совестью; когда человек становится апатичен, ленив, хондрит – его ест совесть или он чувствует душевную боль – он отдаёт свои силы богам. Если он становится чёрствым и способным без угрызе-

ний совести идти по головам, то он становится инструментом, с помощью которого выжимают силы из других. Не может, не способен стать инструментом – в компост его. Его настигают законы пирамиды-суррогата. Если способен, то он встаёт над обществом, над сегментом ячеек в пирамиде – выходит на следующий уровень игры. Это очень интересно, затягивает, игра становится смыслом жизни. Теперь всё на своих местах, всё очевидно, как он раньше не замечал, что вокруг все бараны. И только он и ещё несколько уважаемых людей смотрят на жизнь правильно, они вместе – элита, а там – овцы. Всё просто: так устроен мир. Шанс дан каждому, но не каждый его способен реализовать, так что «не ропщите, чернь!».

Этот механизм имеет физическую природу и никак не связан с метафизикой – в основе его лежит тот же механизм, что и механизм влияния на организм люстры Чижевского. Ионы в воздухе необходимы, стерильный воздух убивает, «ионы» богов лишь калечат и то только души.

Так вот, ваши вибрации, вызванные диссонансом между совестью и желанием жить, или пробиться, улавливают и передают люди без эмоций, они становятся катализаторами диссонанса и его ретрансляторами. Потому такие бездушные люди очень ценны для богов, хоть сами и неспособны генерировать полезную энергию в значительном количестве.

Вообще, первые фермы по разведению смертных представляли собой кастовые общества, как наименее сложные в

организации, так сказать экстенсивный метод ведения хозяйства. В дальнейшем, в борьбе за повышение производительности людских душ боги начали проводить интенсификацию ведения хозяйства, но изменения структуры общественной пирамиды не коснулись. Пирамида остаётся прежней по сих пор. И принцип её устройства прост: сама пирамида состоит от основания до острия вершины из ячеек-ролей, в которые помещаются люди. Ячейки на разных уровнях пирамиды в разных вариантах жестко или не очень закреплены за определённой кастой. Каст всегда четыре, положение первых и последних почти всегда статично, вторые и третьи всегда подвижны, в их динамике отражаются циклические общественные процессы. Конечно, Древняя Индия, Империя Великих Моголов и Британская Индия, совершенно разные общественные образования, как раз сменой высших каст эти образования и отличались, потому прошу понять, что кастовое деление общества – это реальное положение группы людей в обществе, здесь и сейчас. И никакой титул учтивости «брахман», не поставит группу людей на самый верх пирамиды. Даже если этим титулом прикрывается род старого «козла», периодически отводящего окрестных «баранов» на «бойню», и лижущего зад хозяевам теперешнего положения, лишь бы сохранить своё смердящее главенство в обществе рабов. Он, этот брахман – служитель культа, который исповедуют рабы, не более того. Он – представитель высшей из низших каст, в данном конкретном случае. Положение таких

людей либо делает их мучениками, либо в той или иной мере предателями. Редко можно сохранить достоинство и «не испортить карму», оказавшись между двух «наковален».

В данном выдуманном примере брахман не «классический» представитель мифического «среднего класса», которого в природе не существует. «Средний класс» это не положение людей, это ширина полосы взаимодействия нижних из высшей пары касты и высших из низшей пары каст. Эта ширина – проекция объёма взаимодействия между низами и верхами, отражающая фазу цикла приращения человеческого стада. Что-то типа беременности, а «средний класс» – это плод. И как только общество «разродится» этот «класс» исчезает, а на его месте образуется разграничительная линия – проекция пустоты – пропасти, лежащей между низшими и высшими. Но движение по кругу цикла воспроизводства смертные не замечают – живут мало, да и «прогресс», обусловленный приращением общества в неизменном объёме «ресурсной» реальности, являющейся следствием интенсификации фермерского хозяйства богов, искажает восприятие этого движения по кругу, представляя взору смертных людей это движение спиралевидным. Иными словами, какого бы прогресса человечество не достигло пропасть между нижними и верхними будет всегда. Просто периодически она будет заполняться «средним классом». А в целом, всегда будет чего-то на всех мало: воды, еды, жилья, или самого важного в системе ресурса – работы, которая могла бы га-

рантировать достаток всего выше перечисленного. В системе, угодной богам, достаток вообще вещь уникальная, для этой системы характерны перекосы, именно ими она обеспечивает интерес людей к игре длиною в жизнь. Обществу смертных просто нельзя быть рационально организованным – нельзя позволить людям перестать играть в выживание «сильнейших», если это произойдёт – система рухнет.

Ну, это всё так, к слову, и к тому, что боги получают то, что им нужно, так или иначе, и инструментарий у них разнообразный, до безобразия. Вины людей в том нет, у людей лишь выбор: жить по правилам или сгнуться по совести. Если предположить, что большинство выбирало сгнуться, то мы потомки меньшинства, в том числе и я, собственно это и есть главное из того, что нужно было сказать.

Что-то ещё хотел обозначить, а, да – одним из способов резкого повышения производительности системы является война. Но не столько в её физическом выражении, сколько в эмоциональном. Этот способ боги используют, когда преобразовывают систему общества и таким образом, помимо прочего, «выкачивают» остатки ресурсов из отжившей своей системы. Победителей в войнах смертных не бывает, есть только жертвы. Потому как рабы, быющиеся за интересы господ, несравнимо ближе друг к другу, чем те за кого они воюют. Конечно, в глазах смертных это выглядит иначе, для них всё просто: убей или будь убитым и никаких компромиссов, компромиссы это сложно, это для тех, кому есть что терять.

Вообще, боги тоже ограничены некоторыми фундаментальными законами, но как вы, думаю, понимаете, я обладаю только обрывками чужих воспоминаний и потому увидеть и тем более описать реальную картину в целом не в состоянии. К тому же знания женщины из синей сферы (или богини) я уже сам не знаю как правильно, несколько устарели. Она сама более трёхсот лет как покинула общество богов и не обладает информацией о божественных преобразованиях в обществе смертных за этот период. Богиня покинула своих соплеменников примерно тогда, когда в литературе смертных стала фигурировать формулировка «наша эра», постепенно заменяя собой «после Рождества Христова». Именно к этому времени планета почти полностью оказалась под властью одной из семей богов, за исключением нескольких обречённых на подчинение областей. Нам эта божественная семья известна как Олимпийцы. Здесь уже я могу ответственно заявить, что ещё задолго до того борьба между бессмертными представляла собой борьбу богов меж собой. Титаны к тому времени уже исчезли с лица планеты тем или иным образом, не выдержав конкуренции с более агрессивными и беспринципными сородичами. Вообще, конечно, были и вполне объективные причины такого исхода. Боги оказались быстрее, выносливее и проворнее. Это было связано с особенностями энергообеспечения, и энерговооруженности. У титанов была необходимость в громоздкой системе преобразования энергии внешних источников, таких как: солнечный

свет, ветер или сложная органика во внутреннюю энергию. У богов в подобных надстройках нужды не было, и нет. Ну и немаловажной оказалась сама заинтересованность богов в отсутствии титанов как альтернативы им в глазах смертных того периода.

Здесь уже я подхожу к тому, что для меня самого стало откровением и горькой правдой, с которой трудно смириться.

Трудно признать, но Траумпфальц тоже оказался делом рук богов, включая всех его обитателей. Правда не тех, которые сейчас правят планетой, а тех, кто рискнул и воспользовался последней возможностью исчезнуть, не вызывая подозрений у остальных. Траумпфальц был детищем тех нескольких богов, которые прикинулись мёртвыми – убитыми в одной из последних битв бессмертных. Как битв, скорей стычек, настоящие битвы были уже в прошлом. Вот как раз Афродита и была одной из числившихся погибшими в такой стычке. Важно понимать, что Афродита и все остальные «убиенные» были из числа господствующего на планете клана богов, за исключением одного. Общее число этих бунтарей пять человек: Афродита, Аполлон, Гермес, Гефест и Хаори, последний как раз и организовал фиктивную гибель Аполлона, Афродиты и Гефеста, и был представителем бессмертных Японии. Гермес же уже более трёх с половиной тысяч лет числился пропавшим без вести, примерно с того времени, когда Олимпийцы только начинали свой победоносный марш по Земле. Особой важности история то-

го как родился заговор не имеет, да и не известна она мне полностью, так обрывки. Но точно известно, что сама возможность заговора возникла после возвращения Гермеса из глубин космоса, где он когда-то и потерялся. Вернувшись, он принёс новые знания о Земле, которые не были ещё доступны его сородичам. А он – Гермес, не стал посвящать всю эту разросшуюся за века его отсутствия массу бессмертных в новые знания. Ну и соответственно, обременять их сознание фактом своего благополучного возвращения он тоже не стал. Оповестил о своём возвращении и новом знании только Аполлона, который уже привлёк остальных вышеперечисленных. В общем, знания, принесённые Гермесом, послужили причиной «неожиданной гибели» остальных членов этой небольшой группы бессмертных. Как-то так. Хотя там было всё невероятно сложно и запутанно, даже я из того малого, что узнал, многого не понял. Но в целом, в сухом остатке, было именно так.

Одни и те же события воспринимаются совершенно по-разному, когда тебе вдруг открывается более глубокий слой информации. И то, что раньше казалось первопричиной, чудесным образом превращается в следствие. Потому первоначальное восприятие картины произошедшего, уже представляется искаженным, или вовсе неверным.

Благодаря переданной мне Лизой информации, теперь и я, многое из того, что уже описывал, вижу иначе, отчётливее, хотя всё равно не могу сложить целостную картину произо-

шедшего. Полученных данных слишком мало и потому все линии событий мне не видны. Впрочем, этого и не нужно для понимания того, что произошло после «гибели» упомянутых выше «погибших». И, в первую очередь того, что было первопричиной этой рационально организованной бойни смертных, замаскированной под несчастный случай – Апокалипсис – стихийную пандемию, вдруг ни с того ни с сего охватившую планету. Всё просто: хозяев планеты Земля «развели» как малых детей. Думаю, что те, кому удалось такое, были очень довольны собой, когда вместе с паладинами Траумпфальца покинули пределы солнечной системы и оказались вне досягаемости для бессмертных Земли. Те, кто провернули этот грандиозный «развод», ещё раз доказали простую истину: знание – сила. В подобных случаях незнание становится источником власти для тех, кто обладает знанием, над теми, кто этим знанием не обладает. У власти с подобным источником есть немудрёная особенность: сила власти одних пропорциональна силе знания, недоступного другим. Источник подобной власти иссякает в момент, когда незнающие постигают знание знающих. Так вот хозяева планеты не знали о существовании источника амброзии – симбионта бессмертия. Для них, в укоренившейся в их сознании мировоззренческой парадигме, источник симбионта бессмертия мог возникнуть на планете лишь единожды и времена, когда он существовал, давно канули в Лету. Для тех, кто «развёл» хозяев планеты, это было не так. Един-

ственное, что было нужно тем, кто решился «развести» властителей мира это обнаружить этот «источник власти». Они знали наверняка, что он есть, только не знали где. Как вы помните, источник находился в смежной с Траумпфальцем пещере и был обнаружен бессмертными заговорщиками задолго до появления там по соседству Траумпфальца.

Источник симбионта бессмертия стал ключом, несколькими оборотами которого заговорщики открыли дверь на свободу. Они смогли сбежать с планеты туда, где у Зевса с братьями и сестрами власти нет, как минимум, сейчас. И, поверьте, это просто грандиозное достижение, потому как с того времени как Зевс стал абсолютным властелином планеты вырваться с неё ещё никому не удавалось.

Первым оборотом ключа они избавились от связи с монаршим семейством. Обновив своего старого симбионта бессмертия, они освободились от божественной узкой специализации и перестали быть энергозависимыми от смертных, вернув себе «всеядность» титанов. Теперь их сознание было доступно только им, но при этом они сохранили накопленный ресурс бессмертия, доставшийся им в наследство после тысячелетий накопления генетического разнообразия. То есть они сохранили накопленный совместными усилиями Олимпийцев запас жизни, при этом отвязались от связи с ними. Ко всему вышеперечисленному бонусом стало то, что они остались способны влезать в головы Олимпийцев, а те с ними сделать подобного уже не могли. Впрочем, это в реа-

лизации их дерзкого плана им не особо помогло, как мне видится. Но может, я чего и не знаю, а не знаю я многого из того, что нужно знать, чтобы утверждать что-либо наверняка.

Вторым оборотом ключа они создали условия – фундамент успешной операции по переселению на другую планету, какую и где – об этом мне неизвестно, знаю только что очень далеко, даже по меркам бессмертных. Эти диверсанты ослабили Зевса и компанию, чтобы повисить свои шансы на прорыв за пределы атмосферы планеты. Что касается именно прорыва через атмосферу здесь уже наличие пробелов в фрагментарном знании информации о произошедшем не позволяет проследить все причинно-следственные связи в действиях и поступках заговорщиков. Приходится лишь предполагать, что послужило причиной того или иного поступка этих отщепенцев, связывая отдельные разрозненные фрагменты воспоминаний Афродиты в нечто цельное, основываясь только на логике и здравом смысле (иногда от этого становится особенно жутко).

Заговорщики приложили немалые усилия для того, чтобы симбионт бессмертия уже в загрязнённом, примитивными формами жизни, виде попал в руки Олимпийцев. Речь идёт о тех пробах, которые паладины передали через «Сынов Локки» на анализ в лаборатории смертных на поверхности Земли. Одна попала в Берлин, две другие в Сиэтл и Монреаль. Впрочем, куда попали пробы, перед тем как попасть в руки Олимпийцев, неважно. Важно другое – их за-

грязнение. Логика подсказывает, что тем «погибшие» хотели ограничить во времени тех, кто эти пробы с симбионтом мог бы использовать, так сказать, запустили механизм самоуничтожения, ведь повышать уровень иннервации доминантного вида в экосистеме симбионта бессмертия нельзя бесконечно, сколько верёвочке не виться, дойдёт и до человека. Ну и очевидно, что загрязнённые колонии симбионта не могли быть использованы бессмертными для собственных нужд. Их можно было использовать только для преобразования смертных в бессмертных, это крайне важно. Заговорщики были абсолютно уверены в том, что Олимпийцы, обнаружив бесхозную «грязную» амброзию, не заподозрят, что кто-то мог бы специально сам передать в их руки такую ценность с каким-то вредительским умыслом. Думаю, загрязнение проб выглядело вполне естественным, уж показалось таковым точно. Это нормально если пробы с дерьмом загрязнены микробами и простейшими, да и обнаружены они в соответствующих учреждениях как раз занимающимися подобными тварями.

Вероятно, Олимпийцы подняли шум и начали искать источник, но, конечно же, концов не нашли – концы были хорошо спрятаны в воду. Дальше был расчёт на то, что Олимпийцы испугаются, и они испугались, это утверждают здравый смысл и логика, крича в один голос. А как иначе, вдруг источник уже в руках кого-то из низших бессмертных, или вдруг смертные начнут массово превращаться в титанов?

Сами представьте себе такое, это же просто ужас! При любом раскладе (а раскладов действительно можно представить значительное множество) система, которая складывалась тысячелетиями, оказалась под угрозой. Откуда ожидать удар, и какой силы – непонятно. Одним словом, бессонница и невроз Зевсу были обеспечены. Решение подсказали сами же заговорщики. Очевидным было то, что Олимпийцы теперь могли уничтожить всех своих бессмертных слуг и вассалов и создать новых. Это с подавляющим большинством старых они и сделали. И создали новых, симбионт-то бессмертия был в наличии. Причем новые были не в курсе реальной истории бессмертных, которая просто изобиловала не красящими Олимпийцев фактами. Естественно или ожидаемо, здесь как посмотреть, новых бессмертных слуг изготовили сразу такими, какие нужны – идеальными бессмертными рабами, физически ограниченными в правах и фактически жизненно зависимыми от хозяев. В общем, обстоятельства сложились так, что кардинальные перемены, напрашивающиеся сами собой, выглядели очень заманчивыми и оправданными, да и время на раздумье было ограниченным. Так или иначе, но кардинальные перемены были воплощены в реальность – и всё тут.

Но всё равно, даже после уничтожения подавляющего большинства полубогов и низших богов, существовала реальная опасность бунта. Как минимум, опасность появления центра силы, с которым придётся считаться, пусть ка-

кое-то время, но считаться. Среди бессмертных существовало некоторое число изгоев (у них тоже так бывает), которые прятались в среде смертных, так сказать, вели асоциальный образ жизни и всячески позорили своё бессмертное положение, и были неподконтрольны Олимпийцам, которые уже устали их давить. Эти твари, будучи полубогами или божками местных давно забытых разливов, жили тем, что перебывались мизерными количествами энергии смертных, которые незаметно, чтобы не привлекать внимание и свою скоропостижную смерть, воровали из системы Олимпийцев. Они могли устроить бунт среди смертных, дай им только волю. Эти не погнушаться, и устроят новую битву с титанами или сами вернуться в состояние титанов, им так даже легче жить будет. Но ведь они могут решиться и на отчаянный ход – переключить потоки энергии части смертных на себя и очень быстро набрать силу. А если их будет много?! А если они обратят в богов часть смертных?! Да что угодно, лишь бы во вред сложившейся системе, в которой им не нашлось места!

Здесь тоже на гипотетическую угрозу нашелся адекватный ответ. Меры Зевсом были приняты ультракардинальные, как того и желали заговорщики. Олимпийцы вырезали большую часть своего стада смертных, оставив только ту его часть, которую были способны контролировать абсолютно. Это вполне соответствует критериям логики и здравого смысла, потому как они вырезали по большей части тех, кто был поставщиком энергии для их бесчисленных слуг и

вассалов, которых к тому времени уже не стало, себя любимых, они, думаю, не сильно обделили, хотя в целом система, конечно, оказалась в один момент обескровленной. Именно этот момент и был целью заговорщиков. Этим гениальным манипуляторам удалось с помощью довольно простой схемы манипуляций заставить Олимпийцев ослабить самих себя. И при этом заговорщики сделали это так, что Зевс после того, как поддался на провокацию, думаю, стал считать себя ещё более хитрым и прозорливым, чем считал до этого. Конечно, до того пока заговорщики не перешли к завершающей стадии побега с Земли. Короче, пока не дёрнули отсюда, обнажив истинную суть произошедшего. Но из всего этого важен лишь «момент», он и цель и средство. Потому что через пару-тройку поколений оставшихся смертных разведут до численности, близкой к численности существовавших – и момент исчезнет.

Для чего это было нужно? Могу сказать: только для того, чтобы обеспечить себе реальный шанс выйти из атмосферы Земли без потерь. Видимо, это было невозможно при наличии на поверхности Земли более чем десяти тысяч бессмертных и более чем восьми миллиардов человек – энергетической подпитки этой армии. Побоялись массового удара в спину. Почему-то мне всё видится именно так.

Третьим оборотом ключа можно назвать самих жителей Траумпфальца. Здесь всё просто. Заговорщикам были нужны смертные, но так далеко как они хотели отправиться

смертных довести проблематично. Но это была меньшая из проблем, более серьёзной проблемой были условия гарантированного перехода от Земли до пределов солнечной системы, точнее, проблематичным был прорыв за пояс астероидов. Потому как от Земли до пояса астероидов и, особенно в самом поясе астероидов у Олимпийцев было создано что-то типа службы космической безопасности с несколькими десятками баз, как стационарных, так и мобильных. И, чтобы уверенно пройти это пространство, было нужно использовать новый тип кораблей, способный оторваться от преследования службы космической безопасности Зевса. Моментальное ускорение при выходе из атмосферы и вообще особенности этих новых космических судов могли выдержать только бессмертные твари, никак не смертные люди.

Особых подробностей по поводу космических стражей Земли изложить не могу. В мифологии древних смертных этих церберов, как ни странно, именовали «Гекатонхейры». Это те бескорыстные существа, которые помогли богам Олимпа низвергнуть титанов. «Гекатонхейров» три вида. Почему смертные считали их сторукими и пятидесятиглавыми – не знаю, но то, что это именно они – точно. Два вида я мельком увидел в воспоминаниях Афродиты: один размером с автобус, а другой с товарный вагон. Большого не скажу, но их богиня реально боялась, потому как знала, что они уничтожают любого, кто осмелится несанкционированно оказаться в ближайшем к Земле космосе. Так вот, что-

бы пройти через этих тварей, корабли заговорщиков должны были резко ускориться при выходе из атмосферы до скорости, близкой к скорости света и, маневрируя на этой скорости, обходить возможных перехватчиков, этого бы не выдержал ни один смертный. Как минимум, так я понял из мыслей Афродиты по этому поводу. А её мысли об этих тварях были полны опасений и страха, хотя она сама была богиней, причём одной из первой дюжины сильнейших на планете. Так что для смертных там вообще труба.

Ещё я увидел образ как уже на далёкой планете, до которой лететь, видимо, многие столетия, в дамах из числа паладинов Траупфальца, используя привезённые с собой яйцеклетки и сперму, реквизируемые по всему миру до Апокалипсиса из медицинских организаций, занимающихся вопросами репродукции человека, выращивают первое поколение смертных людей планеты. Из чего следует, что паладины им нужны именно для этого, может, и не только, и даже уверен, что не только для этого, но как инкубаторы их использовать собираются точно. Зачем мужская часть паладинов взята на борт их кораблей, я не имею ни малейшего представления. Вообще, информации о космическом переселении у меня почти нет, кроме той, которую я уже изложил.

Зато довольно много удалось узнать о том, как создавалась община паладинов. И так всё оказалось до гениальности просто. Тому старику, который создал Траумпфальц, правда,

он тогда стариком не был, заговорщики подсунули венец, изготовленный под мрачную старину, или он был действительно очень давно изготовлен по меркам смертного, не суть. Так вот в этот венец был вмонтирован кусочек странного кристаллического материала с вкраплениями чистого симбионта бессмертия, выполнявшего функцию приёма и передачи мыслей на расстоянии от одного из заговорщиков, нам он известен под именем Аполлон. Этот кусочек невозможно было отличить от крупного сапфира. Увенчивая голову этим венцом Ганс, так звали этого наивного человека, общался, как он думал, с духом одного из древних алеманских родов, к которому, по словам духа, принадлежал и сам. Всю мистическую мишуру и пафосность, с которой это общение было обставлено представить не трудно. Все сложные организационные и технические задачи Гансу помогал решать венец, цели как вы понимаете, ставил тоже он. Конечно же, Ганса он называл «мой фюрст» и всячески подчёркивал своё подчинённое положение. Позже венец Гансу помог сам себя забыть в кабинете у руководителя службы снабжения Траумпфальца. Не сложно догадаться, что руководитель службы снабжения не пожелал возвращать эту вещь законному хозяину. Вместо этого венец помог этому негодяю решить сложные задачи по обеспечению достижения цели: заперев в пещере паладинов, заставить их добывать золото для нужд нового общественного образования под названием «Сыны Локки», руководителем которого теперь являлась новая венценосная особа. Он

же – Венец, при «неожиданном» прорыве блокады паладинами, стал причиной неадекватного поступка руководителя «Сынов Локки», повлёкшего за собой кончину этого персонажа. После чего один из камней, которыми был инкрустирован венец, выпал из оправы и испарился. Почему всё произошло именно так, а не как-нибудь иначе, не существенно.

Вопрос: почему – вообще несущественен. Существенно, только то, что существует в данный момент в пределах времени и пространства, в которых можно повлиять на вариативность будущих событий. И повлиять так, чтобы расширить выбор вариантов в движении настоящего момента времени по своей жизни. Да и то это лишь производная от осознания себя как существующего преобразователя настоящего с одной возможной вариативностью, в настоящее с другой возможной вариативностью с помощью инструмента под названием будущее. По-моему, личность живет результатами, а сознание личности живёт устремлениями. Чем большую вариативность будущего осознаёт человек, тем многограннее его личность может стать через некоторое количество последующих настоящих. Насколько вариативно будущее у вас? И как сильно эти варианты отличны друг от друга? Не всё ли едино? Нет! Значит, вы уже очень многогранная личность и ничто не может Вас изменить. Вы вещь в себе – мечтатель! Тот, кого реальность загнала в себя. Вы – часть системы, которая живет мечтателями, управляется мечтателями и борется тоже с ними. Это система жизнеподдержания

тел мечтателей и их воспроизводства. Ваша жизнь проходит на уровне чувств, равнозначных чувствам, обусловленным наличием боковой линии у стайных рыб. Это единственное, что позволяет вам считать свои поступки в физической реальности осознанными, конечно, они по большей части таковыми и являются, только вот продиктованы извне, кем-то из толпы или всей толпой разом – это как посмотреть. Единственным верным индикатором реального приобретения новых граней личностью в вашем богам угодном мире является результат, полученный «через силу», тот результат, для получения которого пришлось чем-то жертвовать. Только так смертным позволено приобретать полезные для них самих свойства, «отработав барщину». И то не факт, что вы, принеся жертву богам, не сойдёте с выстраданного пути и снова не окажитесь в зазеркалье. Ведь у богов нет обязательств перед вами, они даже не знают, что вы куда-то идёте, плата за разворот против намеченного вам направления взимается автоматически. Это просто автоматически реализуемое возмещение тех прибылей, которые вы уже должны принести системе только потому, что живёте в ней. И если вы окажетесь «продуктивнее» чем планировалось это системе пойдёт только на пользу».

На следующий день после общения со своим дневником Фридрих, сидя на террасе замка и наблюдая, как в озере плещется рыба, думал о будущем, которое его ждёт. Вспомнил Вильгельма и остальных жителей Траумпфальца, представ-

ляя и их будущее тоже. Сравнивал и не мог решить, кому в итоге повезло больше – им или ему? Сложно даже представить ту череду образов, которая пролетала в его голове, тысячи тысяч вариантов: «А если так, то...». В какой-то момент в его голове зазвучал голос Лизы: «Не так и не эдак! Федя, не насилуй мозг, лучше займись делом». Лизы не было рядом, Фридрих даже не знал, где именно она находится, а она не только слышала и видела его мысли, но и знала о его совсем недавно появившемся страхе перед ней, о наличии которого Фридрих сам себе ещё не признался. Это и не мудрено, что у человека появляется душевный дискомфорт при общении с другим человеком, обладающим возможностью манипулировать тобой, пусть этой возможностью он и не пользуется. А может, пользуется?! Как об этом узнать наверняка? Никак! Манипуляция на то и манипуляция, чтобы быть незаметной, неузнанной. О манипуляциях обычно узнают постфактум и то случайно.

Именно услышав голос Лизы в своей голове, Фридрих снова ощутил этот дискомфорт, но не подал виду, чем ещё больше рассмешил Лизу. Именно рассмешил, она не могла иначе реагировать на его страх. «Фридрих, у меня есть для тебя предложение, от которого ты не сможешь отказаться» – снова прозвучал в голове Фридриха голос Лизы. «Не хочешь сменить место жительства? Например, на один прибрежный город смертных, мне кажется, ты должен развеетсяя», – голос в голове Фридриха звучал задорно и игриво, что было

необычно для Лизы.

Через мгновение Лиза наполнила сознание Фридриха образами, которыми показала, как она видит это переселение, и как ему нужно себя вести, чтобы слиться с толпой смертных. Фридриху Лиза дала понять, что он прав, есть то, чего она ему не показала, но это связано не с её желанием что-то скрыть ради собственного превосходства над ним, а с её верой в то, что если он узнает всё, то погибнет в городе. Потому предложила ему самому выбрать: либо он получает возможность без особого риска жить среди людей, либо получает полную копию всего, что знает она, но не получит способности позволяющей проникнуть в город и жить там без особого риска быть обнаруженным, имитируя смертного (как имитируя, скорей напялив его шкуру).

Фридрих выбрал город. Тем более что Лиза пообещала, если вдруг у него возникнут вопросы, на которые она будет иметь ответ, то она ответит. Можно сказать однозначно, Фридрих до этого предложения даже не мечтал, что когда-нибудь опять почувствует себя частью целого города людей, сможет пройти по улице, да за подобную роскошь он готов был пожертвовать многим, не говоря уже о том, чтобы чего-то там не узнать. Он уже предвкушал момент, как идёт по городу, в который его посылает Лиза.

Лиза, выйдя из стены за спиной Фридриха, медленно подошла к нему и, обняв, слилась с ним в единый бесформенный комок, изредка шевелящийся и испускающий редкие

порции тусклого света.

После относительно долгого процесса получения новых функций и навыков Фридрихом, Лиза отделилась от него и, встав рядом, заявила: «Теперь я передала тебе все возможные для передачи функциональные возможности моего организма». «А что есть такие, которые невозможно передать?», – спросил, Фридрих, на что та улыбнулась и отшутилась: «рожать сам учись». Лиза взглянула на Фридриха, у него был бешеный взгляд сумасшедшего. Страх и желание боролись в его душе. Даже, невзирая на полученные способности, он сомневался, что сможет пробраться в город и тем более там жить. Природой тех сомнений был страх. Перед тем как исчезнуть в стене Лиза, вполне серьёзно, бросила странную фразу, которая ещё больше встревожила модернизированного Фридриха: «Теперь на всё воля Божья». Уже после того, как Лиза скрылась в стене, в голове Фридриха вдруг снова зазвучал её голос: «Да, и друзей своих прихвати, инструктаж у них я провела и тоже слегка их модернизировала». Фридрих смутился: «Зачем мне эти предатели, только лишней геморрой!». «Других нет, и, думаю, они уже исправились и готовы это доказать. Они имеют право на второй шанс. Мальчики мне обещали, что больше не будут вести себя плохо. Возьми их, мне так будет спокойнее», – если парировать отказ Фридриха от этой мерзкой компании Лиза начинала, смеясь, то закончила она вполне серьёзным родительским тоном.

Как ни странно, Лиза, направив Фридриха в прибрежный мегаполис, в который, по только ей известной причине, ему обязательно нужно попасть, сама также не собиралась оставаться в Траумпфальце. Лиза намеревалась отправиться на поиски Вани, надеясь отыскать его живым. И уже с ним, если он жив, вернуться в Траумпфальц. Кем был для неё этот Ваня, и почему ей было так важно справиться о его судьбе, Фридриху было неизвестно, кроме мало о чём говорящей формулировки: «Он мой друг». Впрочем, это было вполне достаточным основанием, если учесть то, каким тоном она это говорила. Какие эмоции она при этом испытывала, можно было только догадываться.

Лиза, отправляя Фридриха в город, поставила ему цель разведать, что собой в данный момент представляет система управления и контроля за смертными, созданная Олимпийцами после Апокалипсиса. По возможности найти её уязвимые места и оценить вероятность успеха операции по освобождению смертных от ига богов. Другими словами, она просто попросила скрытно пожить среди смертных, посмотреть, послушать и развеяться. Как бы это ни звучало, но Фридрих, получив функционал, которым обладала Лиза, понял, что древние боги никогда не обладали возможностями, приобретёнными Лизой после победы над смертью. И поставленную цель воспринял как вполне реализуемую задачу и нисколько не смутился тем, что она позволила себе отдавать ему команды. Ведь в любом случае он бы сам занялся

тем же, если бы у него был шанс, и теперь он у него был. Главное решиться и перебороть страх перед теми, встреча с которыми у него уже ассоциировалась с неизбежной гибелью.

Что касается навязанных ему «Сынов Локки», то те теперь имели функционал близкий к его собственному, хоть и оставались формально смертными. Лиза постаралась на славу и увязала каждую отдельную клетку организма каждого из них с отдельной клеткой симбионта бессмертия, вшив симбионта бессмертия в их организмы на клеточном уровне. Как ей это удалось сложно сказать, но при детальном рассмотрении это выглядело так, будто Лиза их родила заново, причём от Фридриха. «Новорожденные» нуждались в физическом контакте с Фридрихом минимум раз в год, его прикосновение к ним обновляло «код» доступа их клеток к клеткам симбионта. «Сыны Локки» фактически стали «генетическими вассалами» Фридриха и тот при желании мог лишить их связи с симбионтом бессмертия. Более того, его гибель означала пусть и отсроченную примерно на год, но неминуемую гибель и «Сынов Локки», потому сомнений в преданности этих людей не было.

Глава 6. Бог сохраняет всё

Алекс проснулся от ощущения, что на него кто-то смотрит из необычно тёмного угла расположенного в противоположной части спальни. Плотная тьма в углу была как будто живой и медленно меняла форму. За окном слышались привычные звуки ночной жизни большого города, свет проезжающих за окном электромобилей периодически пробегал по стене. Алекс лежал в постели, стараясь не шевелиться, как в детстве. Так прошло несколько минут, наконец, он преодолел сковавший его страх и решительно встал, направившись к тёмному углу. Впрочем, угол оказался пуст, другого Алекса и не ожидал, но потребность преодолеть страх была удовлетворена.

Утром Алекс отправился на очередной заказ. Зарабатывал он себе на жизнь поиском чужих ценностей, по прошествии полувека, после так называемого Апокалипсиса, его услуги были крайне востребованы.

Основной массой его клиентов были люди, желающие найти семейные ценности, которые остались за пределами городов, и это была крайне сложная задача. Города стали единственными пристанищами людей на планете, за исключением крохотных высокогорных поселений, которые можно пересчитать по пальцам. Гибель более чем восьми миллиардов человек вызвали кровососущие твари – комары и

москиты. Они переносили вирус, от которого и сейчас нет спасения. Вернее, как заверяют медики, от его нескольких форм, передающихся от человека человеку и в большинстве случаев не убивающих, а только калечащих, вакцины найдены. Ими привиты все поголовно, но вот от самой лютой формы, убивающей за считанные часы, а то и минуты, – спасения нет. Вирус, переносимый комарами, оказался смертелен только для человека и высших приматов, впрочем, популяции приматов уже смогли восстановиться, они выработали иммунитет к вирусу, для людей всё оказалось печальнее. Ни наука, ни природа не могли помочь человеку в случае заражения самой первой и лютой формой вируса, которая как назло оказалась и самой распространённой. Потому-то крупные мегаполисы и оказались самым безопасными местами на планете, в них с комарами боролись ещё до начала пандемии. Но всё это в прошлом. Сейчас люди за пределы городов стараются без крайней необходимости не попадать. Только немногие отчаянные головы готовы к вылазкам на природу. В их числе и Алекс. Конечно, экипировка и другие средства защиты от насекомых сводят риск к минимуму, но месячный карантин обеспечен в любом случае, такие уж жесткие требования во всех ста восьми городах, сохранившихся на планете. Сто восемь городов, не считая небольших городов-спутников, это сто восемь государств, объединённых в конфедерацию Земли. Суммарно население планеты чуть больше трехсот миллионов человек. Числен-

ность самых крупных городов планеты редко дотягивает до пяти миллионов, среди старых альфагородов появились и новые, не уступающие им ни в чём. Альтернативные источники энергии стали основными, забытые когда-то дирижабли и парусные морские суда переживают второе рождение в виде автоматизированных высокотехнологичных транспортных средств. Но вернёмся к Алексу. Его работа сводится к трём простым задачам: найти, взять и вернуть либо старику, либо их наследникам. Вернуть нужно в основном драгоценности или предметы культурного наследия, иногда просто памятные вещи, ценные для хозяев и бесполезные другим. Агентство, в штате которого числится наш охотник за сокровищами, укомплектовано по последнему слову техники и имеет все разрешения и лицензии, а сам Алекс считается одним из лучших следопытов и потому многие желают, чтобы над их заказом работал именно он. Чтобы исключить мародёрство, всё происходящее во время поисковых работ за городом всегда контролируется по видеосвязи из города отделом управления и контроля в режиме реального времени и записывается, а видеозапись хранится в архиве. Такой подотчётный властям отдел существует в каждом поисковом агентстве. Помимо основного вида деятельности подобные поисковые агентства часто включают в себя специализированные отделы, обслуживающие автономную технику на немногочисленных добывающих предприятиях на планете. А также службы, занимающиеся сбором вторсырья

на покинутых людьми территориях. Поисковики выполняют и другие экспедиционные работы для городских организаций, но это ничто по сравнению с долей прибыли, получаемой от частных заказов на поиск семейных ценностей. Наступило время бума возвращения семейных ценностей их законным хозяевам. В каждом из конкурирующих между собой агентств понимали, что бум пройдёт и каждое из них стремилось успеть урвать кусок побольше от этого пирога. Но прежде чем частному лицу что-то заказать у поисковиков нужно судебное решение, что это что-то принадлежит именно ему. Без этого решения за заказ поисковые агентства браться не имеют права, но это бизнес и при желании возможно всё. Потому матёрые поисковики пользуются невероятным спросом на рынке труда, они часто сами инициируют процедуру признания прав владения на заказанную вещь если это того стоит и вообще эти профессионалы своего дела мастера на все руки. А сам Алекс среди братии поисковиков – представитель высшей лиги, хотя коллеги считают его слегка мягкотелым, но там, где ему не хватает наглости, он компенсирует интеллектом.

Отправляясь на получение очередного заказа, он был готов ко всему, но только не к тому, о чём его просил заказчик. Заказчиком оказался молодой человек, недавно унаследовавший контрольный пакет акций одной из топ пятисот корпораций планеты. Это был меланхоличный худощавый голубоглазый блондин. Он был уверен, что смерть его отца была

подстроена. И он хотел узнать кем и, главное, зачем. Алекс сразу отказался от столь нестандартного для него заказа. И тому были причины, причём очень веские. Во-первых, это дело полиции, а не поискового агентства, таковы правила игры и нарушив их можно не только потерять работу, но и подставить всё агентство. Во-вторых, работа в городе – это не его профиль, тем более что других заказов была тьма. Вот только сумма, предложенная только за то, что Алекс возьмется за дело и попробует свои силы в новом для себя виде деятельности, и, конечно, сохранит конфиденциальность, оказалась пятизначной. Алекс взялся, но сразу предупредил заказчика, что результативность своих изысканий не гарантирует.

Первым делом Алекс выяснил, что отец заказчика умер от сердечного приступа. Проследил весь его маршрут за последний день жизни. Последнее и единственное, не вписывающееся в стандартный распорядок дня покойного, место, которое тот посещал, был центр оккультных наук Гермеса Трисмегистра. Центр занимал три этажа одного из безликих небоскрёбов первой волны строительства города после Апокалипсиса. На поверку центр оказался обычным досуговым заведением по интересам с историческим и псевдонаучным налётом, отдающим нафталином и шизофренией. Одним словом, Алекс решил выждать неделю и расписаться перед заказчиком в своем бессилии выяснить что-либо стоящее. Тем более и сам заказчик особых надежд не испытывает, и вероятнее всего, ожидает подобный исход дела. Алекс,

как знаток человеческой души, предположил, что вероятнее всего, поиск мифических убийц отца для молодого человека психологическая защита от личных переживаний, связанных с кончиной родителя, благодаря которой на него свалилось огромное наследство. «Для парня важен сам факт его действий, а не их результат», – сделал вывод профессиональный поисковик по совместительству сыщик-любитель и отправился в бассейн снять напряжение и смыть угрызения совести по поводу лёгких денег.

На заходе солнца, когда светило уже почти утонуло в океане, на вершине скалы, торчащей в волнах морских вод, из пустоты возникла группа странных ужасающих на вид существ. Во главе них стоял бородатый человек огромного роста, с виду чуть за сорок. Мужик был в черных чешуйчатых доспехах, длинном черном плаще, на голове конический шлем, увенчанный короной с большим рубином по центру. На его кирасе был изображен взлетающий красный филин, сжимающий в лапах извивающегося синего змея с разинутой зубастой пастью и раздвоенным языком. В правой руке он держал двузубые вилы, в основании двузубца по центру сиял массивный сапфир. По левую сторону от него стоял черный трёхглавый пёс в холке по пояс хозяину. Взгляд у дядьки был бешенный. Его глаза выдавали сумасшедшего, обзлённого до предела. Остальная свита, стоявшая чуть позади, состояла из ещё более огромных, чем их предводитель, чудовищ, имеющих лишь отдельные человеческие черты. Зато взгляд

был у всех одинаково бешенный и глаза в точности такие же сумасшедшие как у впереди стоящего огромного человека.

Взор мужика был устремлён в сторону светящегося на фоне сумрачного неба прибрежного мегаполиса, на самом краю горизонта. Из свиты в воду прыгнуло змееподобное существо с человеческим мужским торсом, длинными жилистыми руками, перепонками меж пальцев и гладкой треугольной ядовитой змеиной головой. Существо, извиваясь, быстро поплыло в сторону города. Не прошло и нескольких секунд как со стороны светящегося мегаполиса, погружающегося во мрак, мелькнули три вспышки и над плывущим змееподобным существом на высоте сорока-пятидесяти метров зависли три коричневые тускло светящиеся сферы диаметром порядка десяти метров каждая. Змееподобное существо перевернулось на спину и плюнуло в центральную сферу плотным красным пламенем, сфера, покрывшись рябью и хаотично покачиваясь, зависла на месте, там, где её настиг неожиданный удар. В ответ из двух других сфер в существо ударили не то лучи, не то молнии, и оно вспыхнуло яркой вспышкой, скрывшись в клубках пара от мгновенно вскипевших окружающих его океанских вод. Через несколько секунд пар расступился, и стало видно как по поверхности воды, теряя очертание, медленно растекается мутное пятно, оставшееся от тела змееподобного существа. Следом в небе ещё более ярко сверкнула центральная коричневая сфера и исчезла, мгновенно сгорев без остатка, а в воздухе запахло озо-

ном. Две другие сферы, покружив с полминуты над океаном около скалы, торчащей из воды, улетели восвояси. Всё это время существа на скале наблюдали за происходящим, хотя их самих видно не было.

Как только сферы улетели, мужик с вилами произнёс: «Работает! Видел, Тифон, работает!» Самое крупное существо в группе с множеством драконьих голов на длинных шеях, торчащих из плечистого бочковидного мужского тела, покрытого чешуей, с длинными толстыми змеиными хвостами вместо ног, зашипело всеми головами разом. «Тифон!», – не унимался мужик: «Мы их убиваем, а они нас даже не видят!» «У вас получилось, мой принц», – зашипели драконьи головы в унисон. Потом существа начали терять форму, растекаясь по скале и сливаться в гигантского змея, голова которого образовалась в последний момент из бородатого предводителя с глазами сумасшедшего. Змей скользнул со скалы в океан и исчез в толще вод.

Две, оставшиеся после боя со змееподобным существом, сферы, метнувшись в сторону города, подлетая к нему, замерцали и исчезли, вернее, стали прозрачными и не заметными для человеческого глаза. Невидимые сферы закружили над центром города, утопающим в неоновых огнях и наполненным хаотичном движении на его широких улицах, которые пролегают по долинам каньонов, образованных стенами безликих небоскрёбов. Над одним из небоскрёбов, сферы на долю секунды зависли, после скользнули вниз и пооче-

рѣдно пролетели сквозь его неосвещѣнную плоскую крышу, так будто там находилось зияющее тьмой отверстие в про-свет гигантской трубы, вертикально стоящей в самом центре города. Глубоко под зданием, в огромном величественном зале представляющим собой объѣм образованный плоско-стью красного гранитного пола сверху накрытой полой полу-сферой с голубой внутренней поверхностью. В нишах, окра-шенных в коричневый цвет, по периметру полусферы, сто-яли в три ряда каменные изваяния людей. Первый самый многочисленный ряд был представлен статуями пеших вои-нов в доспехах и полном вооружении, которые стояли плот-но в маленьких частых нишах на самом полу и образовыва-ли замкнутый круг. Второй ряд расположенный выше, был значительно менее многочислен и ниши его круга были бо-лее редки и объѣмны, там стояли статуи всадников. В самом верхнем ряду стояли изваяния изображающие людей в сво-бодных одеждах и скипетрами в левых руках, а правыми они поддерживали светящуюся сферу, висящую под самым сво-дом и освещающую весь зал. Одна из статуй верхнего ряда имела корону на голове. Именно из этой статуи в центр зала ударила молния, после чего посреди зала возник как неотку-да мужчина средних лет с венцом на голове. Через несколько секунд две стоящие рядом пешие статуи воинов засветились желтовато-коричневым тусклым свечением и из них вышли два молодых парня лет по двадцать пять в черных балахо-нах с капюшонами. Один из них оказался блондином с туск-

лыми голубыми глазами, другой кареглазым брюнетом с острым неприятным взглядом. Парни, заметив мужчину в центре зала, опустили головы, и в унисон произнесли: «Ваша светлость!». Его светлость выглядел слегка растерянным и был явно не в духе. Он медленно подошел к молодым людям и заговорил почти шепотом: «О произошедшем я должен доложить в имперскую канцелярию». Пристально взглянув на парней, добавил: «Но не стану. Уж больно не хочется, чтобы по моему городу опять начали расхаживать особы императорской крови и тыкать меня носом в дерьмо на глазах моих паладинов». Блондин закивал головой, следом головой в знак согласия или одобрения закивал и брюнет, хотя его светлость не интересовали ни то, ни другое. Он ставил своих вассалов перед фактом, и те это прекрасно понимали, потому кивали они скорее всего машинально, показывая тем, что поняли или просто подавали признаки жизни, подчеркивая тем своё внимание. Его светлость, продолжая вглядываться в этих мальчишек, задумчиво продолжил: «А чтобы нам с вами избежать возможных последствий вы должны будете присутствовать на квартальном отчётном совете, и если от имперских властей возникнут вопросы по поводу сегодняшнего происшествия, то мы доложим, а если они промолчат, то и мы промолчим. Вопросы есть?» Блондин замялся и опасливо спросил: «А кто это был?» и смущённо добавил: «Раньше, сразу после Апокалипсиса, как нам рассказывал его благородие барон Аякс, первые лет десять мы сталкивались со

всякого рода паразитами озверевшими, оставшись без кормовой базы. Но этот, которого мы сегодня уничтожили, был смертный, управляемый извне, подобных существ паладины встречали только в Африке и Латинской Америке. Эти безмозглые животные воровали наш смертный скот для своих хозяев. И они считались неопасными для нас и тем более не обладали оружием такой мощности, они вообще были безоружны. Конечно, я не могу компетентно утверждать в свои пятьдесят, но, по-моему, с таким существом мы встречаемся впервые». Его светлость, не задумываясь, ответил, произнеся целую «тираду», он имел слабость на одно слово отвечать двумя: «Вероятнее всего это была отчаянная попытка трусливого бессмертного паразита любой ценой добраться до смертного, чтобы продлить своё бессмертие. А может ещё чего. Действительно, как мне известно, уже лет двадцать не было зафиксировано ни одной попытки проникновения извне ни в одном из ста восьми палатинатов. И я не хочу, чтобы данную статистику нарушило происшествие, связанное с моим пфальцграфством. Хозяин этой твари потратил очень много сил на создание этой куклы и ничего не получил взамен. Думаю, что больше к нам он не полезет, и попытает счастье в других городах, если силы остались. Может вообще он уже издох, а мы тут стоим и ломаем голову по его поводу. Ну, допустим, что какое-то существо и схватит нашего смертного. И что? На нём два клейма! Одно имперское, другое палатината, – смертный погибнет ещё до того как чу-

жая бессмертная сущность сможет получить хоть каплю его сил. И об этой попытке узнаем и мы и в империи. Об этом видимо хозяин вашей твари не знает, потому и лезет в город. Сказал же, забудьте». Парни склонили головы.

Ночью на центральный городской пляж прибрежного мегаполиса из слегка штормящего океана вышла компания существ, которая ещё пару-тройку часов назад стояла на скале, торчащей посреди океана, там чуть за горизонтом. Если смотреть с верхних этажей, ближайших к пляжу небоскрёбов, в хорошую ясную погоду, то можно было рассмотреть на горизонте короткую вертикальную чёрную полосу, торчащую из океана на фоне голубого неба, это как раз и есть та скала. Первым на берег вышел огромный мужик в доспехах, следом все остальные. Пять существ из свиты мужика выглядели, как и прежде. Шестое же, змееподобное существо, вступавшее в неравную схватку с коричневыми сферами, и совсем недавно превращённое ими в мутное пятно, ударили двух молний, стало значительно меньше ростом и слегка дрожало. Помимо существ, вышедших из океана, на пляже было ещё несколько десятков человек и куча камер видеонаблюдения. Но никто не обращал на монстров никакого внимания, будто их и не было вовсе. Через какое-то время трое парней с пляжа направились к стоянке, где стояли электромобили, а огромный мужик и его фантастические существа последовали за ними, по дороге уменьшаясь в размерах и приобретая человеческие черты. Так Фридрих и «Сыны Лок-

ки», включая всё ещё дрожащего Лысого, на трёх электро-мобилях с водителями и проводниками в одном лице, скрылись с пляжа в неизвестном направлении.

На следующий день после того как сыщик-любитель Алекс решил отсидеться недельку ничего не делая и при этом срубить пятизначную сумму, его уже с утра начала заедать совесть. Ведь он не сделал всё, что мог, а деньги взял. Некрасиво получается. Ниточка то есть. Этот центр оккультных наук явно был лишним в списке посещённых мест покойным. Алекс решил ещё раз наведаться туда, хотя бы для успокоения своей совести. По дороге к центру, буквально в сотне шагов от него, он встретил своего заказчика, который выглядел озадаченным и явно спешил. Алекс нагнал его у здания, в котором располагалось это пристанище шизофреников-спиритистов и поздоровался, чем обратил на себя внимание. Увидев Алекса, молодой человек быстро пожал протянутую руку и также быстро заговорил: «Я совсем про вас забыл, более можете не заниматься расследованием смерти моего отца, всё прояснилось». Достал чековую книжку, чиркнул в ней сумму и подпись и передал чек Алексу. «Вот ваш расчёт, и извините за беспокойство, всех благ», – скороговоркой выдал уже бывший заказчик и забежал в здание. Алекс постоял несколько секунд, переваривая произошедшее, за которые решил, что второй чек, кстати, на ту же сумму, им точно не заслужен, впрочем, как и первый. После чего принялся догонять бывшего заказчика, чтобы вер-

нуть чек. Забежав в фойе, он, не задумываясь, направился в центр оккультных наук, что было логично, не совсем обоснованно, но логично. И по дороге туда ему в голову закралась мысль, что поведение молодого человека нанявшего его пару дней назад слишком резко изменилось. Конечно, узнать человека за единственную, пусть и продолжительную беседу невозможно, чтобы делать выводы о том, что он изменился. Всяко бывает. Но тот первый был ярким меланхоликом, а этот, второй, чистый холерик. Движения резче, жесты живее, взгляд стал каким-то тусклым, всё не то. А в этом как раз Алекс разбирался: опыт общения с заказчиками до и после выполнения или не выполнения заказа (такое тоже случалось), а также первое образование, полученное на факультете психологии, говорили, что психологический портрет человека за два дня изменился до неузнаваемости. К тому же, при первой встрече, новоиспечённый глава корпорации придумал правдоподобную легенду для прикрытия реальной цели заказа, и даже у себя дома говорил о расследовании обстоятельств смерти отца полупшепотом. А тут на улице говорил о ней в полный голос и не озирался по сторонам. Так вот наш поисковик нагнал заказчика прямо перед входом в этот оккультный центр и именно в тот момент, когда думал об этих нестыковках в поведении. Деликатно прихватил его за локоть, чтобы обратить на себя внимание в шумном и многолюдном помещении. При прикосновении Алекса слегка ударило током, статика, это часто бывает. Блондин развернулся

и посмотрел прямо ему в глаза. У Алекса возникло ощущение, что молодой человек прочитал его мысли. Естественно, тут же горе-сыщик извинился за то, что снова отвлекает и протянул чек, объяснив, что это лишнее. Молодой человек чек не принял, и вообще повёл себя ещё более странно, чем ранее. Он пригласил поисковика к себе в офис, сказав, что у него имеется заказ, вне городских стен, по профилю поискового агентства и это аванс, а также выразил своё уважение к жесту Алекса, который был удивлён и обескуражен наличием офиса у компании заказчика в данном центре. Вскоре они подошли к неприметной двери в конце длинного узкого коридора, за которой находился конференц-зал с длинным столом в центре. Стены зала были расписаны пейзажами древних развалин с множеством арок, а в углу стояли несколько вешалок, увешанных черными балахонами.

После того как они вошли в помещение зала, заказчик закрыл дверь на ключ, после вплотную подошел к Алексу, резко обхватил его за туловище и, не обращая внимания на сопротивление, прижал к стене. Вопреки ожиданию прикосновения к чему-то твёрдому Алекс ощутил, что проходит сквозь стену как просачивается вода сквозь песок. Незнакомое ощущение и неоднозначная ситуация сами выдавили из уст Алекса: «Что происходит?». Вместо ответа, Алекс увидел, что преодолев стену таким странным образом, они оказались в огромном помещении с высоким сводчатым потолком, и в компании, по меньшей мере, сорока человек. И все

они были в чёрных балахонах с накинутыми на головы капюшонами, все, включая и блондина, вдавившего его в стену. Когда тот успел накинуть балахон, да ещё и с занятыми руками, Алекс объяснить себе был не в силах. Он, было, начал возмущаться и требовать объяснений от присутствующих и в первую очередь, как оказалось, от очень сильного человека, держащего его с болтающимися ногами над полом. Но говорить, произнести хоть какой-нибудь звук, Алекс не мог, да и попытки вырваться из хватки этого невероятно сильного молодого человека были тщетны. Горе-сыщику казалось, что на него никто не обращает внимания, точнее так и было.

Заказчик обратился к одному из присутствующих – кареглазому brunetu с острым неприятным взглядом: «Это твой?». «Ага, судя по родовому клейму палатината, мой, точно мой, я даже лично клеймил его бабку. Тогда мне всё было в новинку, и первую тысячу овец я заклеймил самым древним и надёжным способом», – ехидно улыбаясь, ответил brunet. Алекс посмотрел на кареглазого, не понимая смысла его слов, но тот, протиснувшись через несколько рядов присутствующих, которые будто и не видели и не слышали происходящего у них под носом, подошел к Алексу, висящему под мышкой у голубоглазого блондина и дотронулся до него.

Алекс прикосновения не почувствовал, но после него ощутил себя в чей-то шкуре, глядящим в сумраке на нагую молоденькую девушку. Алекс понимал, что находится всё в

том же зале, в том же неудобном положении с прижатыми к туловищу руками и ногами, не дотягивающимися до пола, чувствовал, как затекли правая рука и правый бок. Но перед глазами разворачивалась другая картина, уши улавливали иные звуки, а в голове как бы фоном текли другие мысли, чужие. В этом видении наяву он в чужой шкуре иронично и легко шептал: «Пора, ты же сама чувствуешь, что пора», а внутри прямо визжал от предвкушения, наблюдая трепет девушки перед ним и её внутреннюю борьбу между природным желанием и искренним стеснением первой близости. Он придавливает её к кровати и, нежно лаская, пристраивается поудобнее, уже упёршись в преграду членом вглядывается в её лицо, сожалея, что она закрыла глаза. После прорывается внутрь, наблюдая, как искривляется её лицо.

Блондин окликает брюнета: «Слышь, хорош, он меня сейчас обкончает», и кареглазый с ухмылкой возвращается на своё место.

Дальнейшее Алекс уже видел как в бреду, у собравшихся началось что-то вроде совещания, только они не говорили, а общались образами, причём не самыми лицеприятными, даже по большей части отвратительными и ужасающими. Мозг Алекса просто не успевал воспринимать эту какофонию образов, казалось, что он вот-вот сойдёт с ума от переизбытка информации.

Собравшиеся долго и упорно торговались по поводу переезда нескольких жителей города в обмен на переезд других.

Обсуждали, насколько выгодна им эта сделка. Следующим встал вопрос о нескольких беременных женщинах. В каком роддоме им рожать и как организовать жизнь их чад. Потом о детях, недавно рождённых и судьбах их семей. Как Алекс понял, это были дети этих монстров в балахонах. И что они решают: кому из них жить как они, а кому как все остальные.

Прежде чем потерять сознание Алекс успевает запомнить несколько видений, касающихся этих женщин и их детей.

Перед его глазами как в бреду пролетали видения связанные с каждой из женщин. Он видел, как эффектная блондинка встречает молодого человека из числа присутствующих. Как бурно развивается их роман. Череду откровенных постельных сцен, где женщина полностью подчинена демону. Её беременность. Роды и ехидная ухмылка отца, стоящего за шторкой, которому медсестра передаёт новорожденного. После чего демон с ребёнком проходит сквозь стену здания, за которой стоит алтарь, на который кладёт ребёнка, ребёнок просачивается в каменную поверхность алтаря, как бы падая внутрь, и через несколько секунд на пол из боковой стенки алтаря ногами вперёд выдавливается тот же малыш. Как только голова проходит сквозь камень, помещение озаляется надрывным младенческим плачем. Демон берёт малыша на руки и возвращается к медсестре, ждущей его там, где она передала ребенка. И так каждый из демонов проделывает ту же операцию, и только у двоих, ребёнок из алтаря возвращаются вперёд головой. Как только в видении к тому

же алтарю потянулись уже женщина из числа присутствующих со своими чадами на руках, Алекс потерял сознание.

Пришёл он в себя от падения на гранитный пол. И первое, что увидел, это было обугленное тело блондина, которое тут же рассыпалось в пыль, чуть поодаль от него уже лежала другая кучка пепла, Алекс предположил, что это брюнет, точнее, то, что от него осталось. Бегло осмотревшись, он увидел, что присутствующие, расступившись и склонив головы, пропускают высокую стройную женщину, идущую прямо на него. Что его поразило, так это то, что все происходит быстро и в полной тишине. Женщина подошла к Алексу и, схватив его за руку, выволокла назад через стену в конференц-зал расписанный пейзажами древних руин. Но с того момента, как она дотронулась до него, и до момента протаскивания его сквозь стену, он снова услышал голоса присутствующих. Нет, один голос, голос человека, к которому все до этого обращались: «Ваша светлость». Он видимо заканчивал какую-то высокопарную фразу: «...И мы благодарны Вашему Высочеству герцогиня Минерва за ...», фраза оборвалась и в следующий миг Алекс уже был за стеной, за которой «её высочество» продолжила тянуть его за руку, двигаясь к выходу.

Минерва шла довольно быстро, и он за ней едва поспевал. «Что это было», – нагнав её, нервно спросил Алекс, но ответа не последовало. «Что он о себе возомнил: я в его стаде», – как бы себе под нос, но пытаясь заглядывать на спешном ша-

ге в глаза спутнице. «Бабушку мою он драл, щенок, да его тогда ещё в планах не было, а может и отца его даже», – не унимался оскорблённый горе-сыщик. Минерва шла, молчала и не реагировала на истерику парня. «Всё хватит играть в молчанку, я дальше не пойду» – отчаявшись на шантаж, вскрикнул Алекс.

Минерва вышла на улицу, следом за ней попятам шёл, точнее, волочился, еле передвигая ногами, Алекс, он был бы рад не следовать за ней, но не мог. Невидимая сила тянула его за женщиной, появившейся ниоткуда. Это была реальная сила в физическом смысле. Её мощи сколь-нибудь серьёзно сопротивляться он оказался не способен. Горе-сыщик даже пытался упасть, но тоже не смог, его что-то держало, как будто сам воздух превратился в прозрачный камень. Возле Минервы остановился лимузин, из которого выскочил водитель и открыл ей дверь, в другую дверь автомобиля занесло Алекса, и даже дверь сама распахнулась и захлопнулась кстати тоже. Только в автомобиле невидимая сила его отпустила. Повисла неловкая пауза. Минерва заговорила первой, и первой её репликой стала избитая фраза из фильмов про полицию: «Алекс, мне кажется, что ты понял, сопротивление бесполезно», конечно вариант фразы не классический, но где-то рядом. Алекс не зная как реагировать на констатацию факта, спросил: «И что делать?» «Расслабься и получай удовольствие», – ответила Минерва, и следом с пафосом добавила: «Ну что, к тебе или ко мне?». Тут Алекс решил

последовать совету герцогини и расслабился: «Конечно, ко мне, детка». Минерва удивлённо взглянула на Алекса, чем было вызвано удивление, он так и не понял. То ли её удивила задиристость тона и фразы, то ли сам факт выбора, но через пять минут они уже были на месте. За эти пять минут спутница Алекса, произнесла несколько фраз, философски задумчиво: «Клеймо, а у кого его нет, нельзя приготовить яичницу не разбив яиц» помолчав, добавила: «Яйца тщательнее нужно выбирать и, вообще, одно и то же клеймо из лошади осла не сделает». Уже в лифте Алекс неуверенно спросил, ожидая, что снова не получит ответа: «Среди людей в балахонах были и женщины, они тоже клеймят свои стада». Минерва улыбнулась: «Конечно». Алекс, смущенно: «Но как, я ведь слышал, как они говорили, что принадлежность к стаду определяется по матери». Минерва ответила уже заигрывая: «Ты любопытный и глупый, есть способы и проще. Просто тебе не повезло или твоей бабушке, наверно вам обоим. Но ты не расстраивайся, сегодня твой день».

Оказавшись в квартире Алекса, Минерва с порога скинула с себя платье и уже после захлопнула дверь. Алекса такой настрой и особенно вид нагой Минервы в одних туфлях на шпильках моментально заставили забыть о нудящем чувстве самосохранения, одолевающим его с момента пленения людьми в балахонах.

В перерывах Минерва была снисходительно ласкова и не давила на Алекса, но и засиживаться не давала. Алекс осто-

рожно любопытствовал о ней, о людях в том ритуальном зале, и, вообще, интересовался её мнением о происходящем в мире, так для поддержания комфортной атмосферы. Гостья поначалу отвечала не охотно, но к третьему перерыву заметно подобрела и снизошла до откровенности. Поведав любовнику, что человеческое общество, в котором он живёт – искусственно созданная среда обитания бессмертных богов, и что для них люди лишь ресурс, призванный сохранять их бессмертие. Впрочем, каким образом смертные люди становятся источником бессмертия для богов, она не уточнила, но сказала, что генетическое разнообразие человеческой популяции – главная причина ценности людей для богов. О людях в балахонах высказалась с пренебрежением: «Это управляющее, ответственные за продуктивность во вверенных им популяциях. Они, наша реакция на изменившиеся условия, – нововведённая форма управления, в замен старой, уже себя изжившей». Вопросы об изменившихся условиях и старой форме управления остались без ответа.

Её императорское высочество герцогиня продолжала настаивать на близости, всячески тому способствуя, до тех пор, пока семенная жидкость любовника не иссякла. А когда источник был опустошен, сказала, что пора прощаться. Правда, Алекс не понял, что стало причиной столь стремительной смены настроения, он, в отличие от герцогини, не почувствовал, что уже полностью выжат. Её высочество напоследок насмешливо поведала, что понесёт от него сына, ко-

того он никогда не увидит, и что мужская линия его рода станет неинтересной для богов на столетия. И его удел теперь клепать несущек для их курятника. И, вообще, боги тестируют новую технологию. Если она окажется успешной, то запустят новый технологический цикл воспроизводства человечества. Благодаря которому через три-четыре столетия мужчины будут играть лишь вспомогательную роль в процессе производства генетического разнообразия и, по существу, станут бесполезным атавизмом человечества: «Вы станете просто развлечением, даже для смертных». Алекс не сдержался и съязвил: «Интересно, а что думает о новой технологии мужская часть вашего божественного общества». На что получил ещё более язвительный ответ: «А они только рады очистить свои курятники от фаллосов смертных. Вам всегда природный эгоизм мешал реально смотреть на происходящее». Выдав последнюю реплику, нагая Минерва стремительно покрылась чешуйчатыми доспехами и вышла, просочившись сквозь полотно двери. Алекс довольно долго не мог поверить, что всё, его оставили в покое, но его действительно оставили. Окончательно убедившись в этом, он проспал весь день, следующий день провёл в размышлениях и подавленном настроении, на звонки не отвечал, позже вообще отключил телефон и зарылся в одеяла. Так и пролежал ещё полдня, бесцельно переключая телевизионные каналы, с пустой головой и едой в постели.

К вечеру Алекс, наконец, решил выйти из своей квар-

тиры и спустился на второй этаж небоскрёба, в котором жил. Там находился круглосуточный бар, туда он и подался. В баре было немногочисленно. Обычно Алекс не был сторонником поднимать своё настроение градусом, но только не в этот раз. Впрочем, пропустив пару стаканов «Куба Либре» Алекс решил было покинуть заведение. Как вдруг к стойке подошла девушка и заказала апельсиновый сок. Следом за девушкой вошел парень, видимо, целенаправленно шедший за ней. Девушка, заметив его, под села к Алексу и шепнула ему на ухо тоненьким голоском: «Прошу вас, скажите ему, что я с вами». Алекс, не взглянув на неё, ответил: «Не вопрос», взглянув, добавил: «А вы не слишком молоды, чтобы посещать такие заведения?». Вопрос был вполне обоснован: рядом сидела юная девушка небольшого роста с точёной фигурой, большими зелёными глазами и детским лицом. Девушка удивлённо взглянула на Алекса и с плохо скрываемой обидой ответила: «Я же сок пью, но вообще я совершеннолетняя, паспорт показать?». Конечно, Алекс паспорт требовать не стал, да и вообще скоро они уже мило беседовали на невесть откуда возникшие общие темы. А парень, вошедший вслед за юной особой, так и не подошел, видимо, сделал выводы самостоятельно. Беседовали и пили апельсиновый сок. Хоть Алекс периодически нёс откровенный бред об иллюзорности свободы человека в обществе, собеседница слушала его с восхищением. Через пару часов Алекс и Диана, так звали девушку, обменялись контактами. После чего Алекс прово-

дил её до квартиры. Оказалось, что она недавно переехала и живёт тремя этажами ниже Алекса.

На следующий день Алекс рано утром проснулся от звонка в дверь. Открыв дверь, на пороге он увидел Диану. Она своим тонюсеньким голоском спросила разрешение войти. Увидев, её большие глаза, её наивный взгляд, устремивший на него поток плохо скрываемого восхищения, Алекс не смог отказать. Проводив её в гостиную, он попросил пару минут, чтобы привести себя в порядок и направился в ванную. Вернувшись, Алекс обнаружил гостиную пустой, а на пороге его спальни стояла нагая Диана, обернувшись простынёй. Не успел Алекс открыть рот, как Диана его оборвала на полуслове дрожащим голоском: «Мне уже двадцать один, а я ещё до сих пор девственница. До встречи с тобой я думала, что решусь на близость с мужчиной только когда захочу ребёнка. Не думайте, я тоже живая и желание мне не чуждо, но только до того момента пока меня не начинают лапать». Пару раз глубоко вздохнув и восстановив дыхание, при этом держа указательный палец у рта в знак того чтобы Алекс молчал и, что она вот-вот продолжит, продолжила: «Вчера я поняла, что вы, ты мне не будете противен, я это чувствую. Будьте моим первым, большего я не прошу». Договорив, Диана опасно приблизилась к Алексу и прижалась к его груди, простынь спала.

В спальне Диана несколько раз вскрикнула, хоть Алекс и был предельно нежен. После недолгого нежного разговора

шепотом Диана уснула.

Алекс вышел в ванную комнату, где неожиданно для себя обнаружил, что Минерва на зеркале оставила свою красную губную помаду. Находка была для него как вызов. Он сразу вспомнил, что, и главное как, говорила Минерва о нём, о его судьбе и вообще о людях. «Богиня, как бы ни так – ты дьявол в юбке» – подумал он. «Да ты и ногтя не стоишь этой смертной Дианы. Нет, не будет по-твоему. Я не сделаю из этого чистого человека очередную несущку для твоего курятника, только не я!», – озверев, умозаключил дефлоратор Дианы.

Алекс взял помаду и большими буквами по зеркалу вывел: «Мы все рабы», поставил длинное тире и добавил: «Нас разводят как скот!». Дописав надпись, бросил помаду на зеркало. Потом набрал ванну, сидя на её краю и всматриваясь в своё отражение в зеркале сквозь большие красные буквы. Закрыв кран, он решительно вышел в коридор с силой вырвал пару автоматов из электрощита на стене и с помощью плоскогубцев соединил провода напрямую. После чего вернулся в ванную комнату, лёг в тёплую воду и закрыл глаза. Лежал так пока вода не начала остывать. Когда стало зябко, Алекс открыл глаза и немигающим взглядом уставился в потолок. Прележал так несколько минут, после вылез из ванны, достал электробритву, лежавшую в столике под зеркалом и начал тщательно бриться, всматриваясь в своё отражение сквозь буквы выведенные губной помадой. Закончив бриться, Алекс лёг в ванну, держа бритву в вытянутой руке,

закрыл глаза и разжал пальцы сжимающие электроприбор.

Электричество вырубил на всём этаже. Через несколько минут в ванную неспешно вошла Диана, выдернула электропровод бритвы из розетки электросети и спустила воду в ванной, где без сознания лежал Алекс, пока вода уходила в канализацию, стёрла надпись на зеркале. В комнате загорелся свет, и на пороге ванной появилась Минерва: «Автоматы вернула на место, можешь вызывать скорую». Диана не оборачиваясь, вглядываясь в своё отражение в зеркале и уже крася губы помадой Минервы: «Я поняла, сейчас вызову». Минерва, взглянув на Алекса, вздохнув, произнесла: «Какие мужчины слабые, особенно смертные». Диана, взглянув на Минерву через зеркало, уточнила: «Они все слабые и предсказуемые, только некоторые ещё и милые, как он, например», и кивнула в сторону Алекса. Минерва, присматриваясь к Алексу, видимо пытаясь разглядеть, чем он так мил, спросила: «Что дальше делать будешь?». Диана, склонившись над Алексом и поглаживая его по голове: «Подарю ему счастливую жизнь, тем более, после того, что он со мной сделал, он просто обязан на мне жениться!» Минерва усмехнулась: «Он не будет помнить завтра ничего, что с ним произошло, включая твою очередную дефлорацию». Диана усмехнулась в ответ: «О, не переживай, сестрёнка, мы её повторим!». «Сколько тебя помню, ты всегда была лицемеркой», – съязвила Минерва. «Лучше так, чем твоя убивающая прямота. Для смертных счастье в иллюзии и неведении,

а для смертных мужчин в особенности», – ответила Диана. Потом, смотря в глаза Минерве, Диана своим тоненьким голоском поучительно прозвенела: «Мужчине подсознательно нужно, чтобы я вся такая невинная, была обеспечена его животной похотью». Переведя взгляд на нагого Алекса, лежащего в ванне, продолжила: «Рядом со мной он всю жизнь будет чувствовать себя виноватым сластолюбом. Для мужчины это крайняя степень сексуального влечения. Вот увидишь, он будет счастлив. Я знаю, о чём говорю, перенимала бы опыт у старших, глядишь и смертность мужчин, после встречи с тобой, пойдёт на убыль, а то дохнут как мухи после знакомства с мухобойкой». Минерва, демонстративно улыбнувшись, выдавила: «Ладно, развлекайся, старушка!». Диана улыбнулась в ответ и парировала: «Дуй отсюда, чёрная вдова!»

На следующий день Алекс очнулся в ожоговом отделении городской больницы. Рядом в палате лежал парень весь в бинтах и нервным тиком на лице. Когда Алекс проявил любопытство и спросил его, что с ним случилось, тот вскрикнул: «А ты что сам не помнишь, из-за тебя двоих в пепел! Кто ты такой?». Алекс ответил, что нет, не помнит, что его воспоминания заканчиваются моментом, как он брлся в ванной, собираясь на встречу с заказчиком. Алекс ещё был слаб и, договорив фразу, снова уснул, посчитав слова соседа бредом, следствием травматического шока, такое бывает.

Через год у Алекса и Дианы родилась дочь. Молодой отец

души не чаял в своём чаде, он был счастлив. В этом же году, буквально за несколько дней до рождения Елены, так Диана и Алекс назвали свою дочь, в городе произошло одно примечательное происшествие, чудом обошедшееся без жертв.

А дело было так: выпускники одной из школ города устроили вечеринку в одном из множества кафе города. В принципе ничего необычного, но вот в чём штука: кафе принадлежало родителям одного из выпускников и, пользуясь своим положением, парень, сын родителей, выкрал ключи от заведения и устроил себе и сборищу своих друзей и подруг продолжение веселья после завершения официального мероприятия. Если вкратце, то ближе к утру заведение запылало. Тушение помещения и, соответственно, спасение юнцов заняло более пяти часов. Потому пожарные и спасатели не ожидали кого-то спасти, но все ребята остались живы, конечно, они надышались продуктов горения, получили ожоги, что не отменяет факта их чудесного спасения или выживания.

В реальности из двадцати семи юношей и девушек выжили лишь двадцать. Семь юношей всё-таки погибли, вернее их убили или не спасли – сложно сказать, но благодаря этим семерым остальные остались живы. Уже когда пожарные прибыли к зданию, в котором полыхали помещения кафе, а сонные телерепортёры освещали происшествие в прямом эфире, к месту событий спешно направился Фридрих со своей свитой. Проникнув внутрь, пришельцы из Траупфальца на-

шли в одном из подсобных помещений молодёжь, большей частью уже задохнувшуюся и отдавшую Богу души. Тут Фридрих наконец-то и решился на то, ради чего собственно и прибыл в город смертных – стать полноправным, неотличимым от остальных членом их общества. Для этого ему было нужно замаскироваться смертным, которые все были учтены и помечены, так сказать посчитаны и лишние особы в городе быть не могло. Потому было необходимо либо родиться в городе, либо занять чьё-нибудь место. У этих либо-либо была одна нравственная проблема – можно было занять место только живого человека, у мертвого клеймо было не взять ни одно, ни другое, для пришлых только живые могли стать проводниками в мир грез и несбыточных надежд общества смертных. Времени на раздумья не было, оставались считанные секунды на реанимацию уже погибших, их клейма уже начинали отслаиваться от ауры и постепенно исчезать. Реанимировав юнцов и организовав доступ к ним газовой смеси, пригодной для дыхания, пришельцы выбрали семь самых беспринципных из парней и вселились в них, точнее будет сказать напялили на себя их клейменные шкуры. Формально в организмы несчастных внедрились, скрыв свою истинную сущность под внешними кожными покровами парней, как машина скрывалась под кожей человека в «Терминаторе», но это очень поверхностное сравнение, так как генетически, вроде как парни остались сами собой. Вообще мерзко это: перестраивать чужой организм под себя, короче они съели

парней, только жрали их на клеточном уровне и не полностью, если это для вас поменяет суть произошедшего.

В сущности, выбор жертв был крайне субъективным и решение кому жить, а кому умереть принимал Фридрих. Конечно, все юноши и девушки были ещё детьми, и никто из них не успел совершить что-либо такое, что стало бы основанием для лишения его жизни, сколько не копался в их памяти Фридрих. А он, понимая, что если ему удастся когда-либо, кого-либо освободить и наделить бессмертием, то те обязательно узнают, какой ценой он это сделал, потому желал максимально снизить эту цену. Но убийство одного, даже во благо миллионов, всё равно остаётся убийством и в тот момент он это почувствовал. Теперь у него не было пути назад, он должен был оправдать гибель этих людей. Даже если это будет возможно сделать только своей собственной смертью, но оправдать было нужно.

Глава 7. От лукавого, или Грех познания

Время шло, юноши возмужали, каждый из семерых очень рано съехал от родителей. Тот, чьё место занял Фридрих, выучился на врача, выбор был не случаен. Врач, даже если он таковым является лишь на бумаге, в обществе всегда занимает особое положение. Назвавшись врачом, можно магическим образом заставить остальных прислушиваться к твоему голосу, даже если произносишь при этом лишь гортанные звуки, эта магия работает потому, что жизнь является единственной ценностью никогда не теряющей актуальности. Самоназвание «врач», таким образом, становится тем «залогом», под который очень легко получить кредит доверия. И независимо от того насколько ликвиден «залог» в подавляющем числе случаев у смертных он является достаточным основанием для «выдачи кредита». Вообще Филипп стал отличным врачом и уже спас многие сотни жизней, включая значительное число безнадёжных случаев. Вытаскивал буквально с того света, но без фанатизма, только тех, спасение которых, хотя бы теоретически, можно было объяснить.

Фридрих в образе Филиппа провел уже достаточно времени среди смертных жителей города, чтобы сделать вывод о том, что люди остались людьми, и роли, которые им предло-

жено играть, вырабатывая энергию для богов, тоже прежние. Единственное что изменилось это его собственное восприятие действующих лиц и процесса, в котором они участвуют. Даже если не брать в расчёт тот факт, что люди у него вызвали соблазн, наиболее близко описываемый прилагательным «гастрономический», окружающее всё равно воспринимались им иначе, чем в бытность его смертной жизни:

«Всё спешат, на ходу решая, куда идут и что там хотят. Благополучное общество – самая «благодатная почва» для внутриличностных конфликтов, на фоне внешних признаков счастливой жизни. Здесь женщины любят одних, а рожают от других и винят потом в том, что жизнь прошла мимо своих детей, хотя даже себе в этом бояться признаться. А мужчины мечтают быть единственными, а становятся лучшими, и всю жизнь сами себе это доказывают. До конца дней своих неосознанно соревнуются в состязаниях, которые уже давно прошли. Много движения, особенно мысленного, колоссальные выбросы энергии, и всё в трубу, питающую систему, созданную богами.

Сознательный выбор жизненного пути иллюзорен, и определяется чередой «рикошетов» отдельной личности после старта в общем марафоне. Где-то на середине которого приходит осознание, что это всё-таки спринт. Это осознание придаёт человеку новое ускорение, за которым следует новая череда «рикошетов». Таким Фридрих увидел среднестатистического смертного жителя этого богатого, быстро расту-

щего, социально-ориентированного, прекрасного города.

Благодаря жизни в городе он начал догадываться, что стало причиной изгнания человека из рая. Чего такого тот узнал, чтобы быть так жестоко наказанным? Фридрих всё больше склонялся к версии, что человек познал, что он личность, отделимая от всеобщего сознания. Фридрих представлял себе это так: «Человек вышел за пределы рая и оказался в «тишине». Следом этот человек позвал другого – показал «тишину» и они стояли друг напротив друга и не знали – не «слышали»: кто из них о чём думает и кто что чувствует. Эти двое принесли это знание о возможности «незнания» и «нечувствия» другим остальным смертным жителям рая. Так люди познали, что можно указывать на одно, а думать о другом. Человек познал ложь!»

После того как Фридрих пришёл к выводу, что причиной изгнания из рая стало познание лжи, он вдруг ужаснулся! Он неожиданно для себя осознал, что, возможно, люди сами сотворили богов. Смертные сами приютивших их титанов обратили в богов. Первые титаны стали богами не по своей воле, они им стали по незнанию – без умысла! Они попробовали «энергетические выбросы» смертных, солгавших и обманутых, и пристрастились к этому виду энергетической подпитки. А после, со временем просто потеряли способность «питаться» чем-либо другим, кроме как страстями людскими. Из рая никого не выгоняли – рай «покалечили» ложью, именно в покалеченном раю смертные живут до сих пор.

Перед Фридрихом встал образ: «Как люди, обманувшие других вне райского сада, бояться возвращаться к обманутым, уже вернувшимся в эдем. Обманутые, находясь в раю, осознают обман и во время осознания испускают «флюиды гнева и обиды», которые улавливают титаны и «насыщаются» ими. Титаны после этого находят лжецов и уже поглощают «флюиды», испускаемые людьми при ощущении страха быть уличёнными во лжи, и мешающего несчастным вернуться домой». В мыслях Фридриха рай быстро из системы милосердия преобразовался в систему угнетения. Но он предполагал, что рай был не один, их как минимум было несколько, как и семей титанов, и потому не обязательно, что везде всё происходило именно так. Не факт, что все титаны, ставшие первыми богами, были невинными «жертвами» обожествления людьми. Но вот идею смертные могли подать сами, случайно, по глупости. А дальше всё завертелось само, усложняясь и вовлекая в свой порочный круг всё новых и новых участников: бессмертных, смертных, жестоких и милосердных – всех кто хотел выжить в новом формате мира.

После всех этих умозаключений Фридрих зарёкся больше не вести дневник для смертного читателя. Теперь он считал, что в слове для смертных нет спасения ото лжи. Потому как ложь есть праматерь слова.

После Фридриху часто мерещилась картина жуткого стечения обстоятельств, повлёкшего за собой ситуацию, в которой калеки титаны вынуждены промышлять божественным

провидением в покалеченном раю, калеча души смертных,
ради собственного выживания.

Эпилог произошедшего – Пролог происходящего

За те двадцать лет, которые пролетели с того дня, когда он чудом пережил пожар, Филипп и его шестеро друзей выяснили, что весь город – это огромный рационально организованный производственный комплекс, где разводят и перерабатывают человеческий ресурс, то есть ровным счётом ничего не выяснили. Город контролируют бессмертные слуги богов. Эти слуги имеют светло-коричневую ауру, а город – это их экосистема-надорганизм, здесь всё подчинено их воли, и это тоже было ясно ещё двадцать лет назад. Конечно, шпионы аккуратничали, но не только их аккуратностью объяснялся нулевой результат внедрения в стан врага. Они понимали: «повысить ставки» можно, ещё незадействованные ресурсы есть, но форсаж событий предполагал увеличение рисков, причём не пропорциональное к возможной пользе от этого. Например, «Лысый» предлагал: «Можно распавшись на клетки, где-нибудь в центре города, там, где высока вероятность, что рядом пройдёт какой-нибудь «коричневый», подсмотреть и подслушать его мысли». Но вот незадача: собираться ведь тоже надо и тогда резко возрастает вероятность быть обнаруженным, «шкура»-то придёт в негодность, да вообще кроме этого была ещё куча нюансов, низводящих идею

«Лысого» до уровня игры в рулетку, причём в «русскую». Конечно, эту авантюру Фридрих отверг сразу и запретил вообще соваться к «коричневым», вообще как-то выделяться запретил. Приказал ждать и не выделяться, чего ждать – не уточнил, но «Сыны Локки» принялись выполнять команды, ждали и не выделялись. Фридрих понимал, что спешка в таком деле ни к чему полезному привести не может. Главной целью «засланцев» был не столько сбор какой-то конкретной информации, сколько разведка на всю глубину возможного театра действий. А действия «в наглуую» могли выдать само наличие возможности возникновения этих действий. И это точно был бы конец, эти дядьки и тётки с синими аурами покорили планету, и тысячи лет «вертят» её как им вздумается, совсем недавно их ещё и развели. И вдумайтесь как – нагло убежали от них! Правда, заставили своими руками вырезать большую часть своего драгоценного стада, но это как раз ещё один повод не привлекать к себе внимание. Короче, незаметно ходить рядом с ними это уже очень много.

За всё время пребывания в этом довольно крупном мегаполисе Филипп-Фридрих наблюдал лишь двух богинь с синей аурой, в то время как «коричневых» он наблюдает ежедневно. Весь центр города ночью светится десятками тусклых коричневых аур и особенно один небоскрёб в самом его центре. Но любые попытки приблизиться к слугам богов, без применения «спецсредств», так сказать «по-человечески», натыкались на обособленность этой группы. «Коричневые»

всё решают через третьих, а то и пятых лиц, никого и «на километр» к себе не подпускают, странно это, вроде как чего им бояться?

В один ничем непримечательный день Филипп шел с работы домой, как вдруг, на другой стороне улицы заметил женщину с огромной синей аурой. Он уже пару раз её встречал за те годы, которые провёл в мегаполисе. Но в этот раз рядом с ней шла молодая девушка лет двадцати как две капли воды похожая на женщину из его сна – подругу его почившей жены, только моложе. Так бывает: лица человека не помнишь, пока его не встретишь, а как встретишь, то понимаешь, что это именно он. Так и произошло. Филипп-Фридрих, стараясь не привлекать внимания, начал рассматривать девушку, её ауру и заметил, что аура у неё смертной, но только очень большая, такое возможно лишь в одном случае – если она полукровка, и её бессмертный родитель не предоставил ей колонию симбионта бессмертия на развод, осознанно лишая тем бессмертия своё чадо. Фридрих пошел за девушкой, которая, поцеловав богиню в щеку, направилась в сторону городского пляжа. Там, увидев девушку в купальнике и родинки на внешней стороне бедра её левой ноги, Фридрих потерял способность рационального мышления и, скрывшись от любопытных глаз в скалах, в самой неудобной для купания части пляжа, незаметно нырнул в воду. У него появились вопросы к Лизе.

И Фридриху тогда не показалось, ноги у неё действитель-

НО ДЛИННЫЕ.